

ИСТИННАЯ: МАГИЧЕСКИЙ ОГОРОД ПОПАДАНКИ

Инесса Голд

ИСТИННАЯ: МАГИЧЕСКИЙ ОГОРОД ПОПАДАНКИ Инесса Голд

Инесса Голд

Истинная: Магический Огород Попаданки

<https://litres.ru/74308954>

Аннотация

Очнуться в чужом теле? Полбеда. Увидеть, как твой истинный — наследный принц-дракон — изменяет тебе в день помолвки? Вот это настоящая катастрофа!

Меня зовут Лина, и еще вчера я знала цену труду на земле, а сегодня я — Леди Серена, отвергнутая фаворитка, ставшая посмешищем всего двора. Король предлагает мне золото и титул в глуши, лишь бы я исчезла. Но они плохо знают земных девушек! Я не гордая, мне чужого не надо. Я прошу лишь одно — заброшенный сад на самой высокой крыше дворца.

Теперь вместо балов у меня прополка, а вместо фрейлин — хохочущие тыквы и поющие томаты. Мой огород стал сенсацией, а я — главной загадкой столицы.

Но почему принц Дравен, который так жестоко меня прогнал, теперь ходит вокруг моего сада кругами, сгорая от ревности? И что делать с обаятельным капитаном на виверне, который смотрит на меня так, будто я вырастила для него целый мир?

Пока двор плетет интриги, а враги готовят смертельный заговор, мне предстоит выяснить правду о метке истинной,

спасти королевство от яда и решить: кого выберет мое сердце — раскаявшегося дракона или того, кто был рядом, когда я была никем?

В тексте есть:

Неунывающая попаданка с характером и лопатой Властный дракон, которому придется побегать Обаятельный капитан и соперничество Бытовая магия, юмор и волшебный урожай Интриги, тайны и ХЭ!

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Сбежать или остаться	9
Глава 2. Союзница	16
Глава 3. Король Ветров	24
Глава 4. Первые плоды	33
Глава 5. Смешной Урожай	42
Глава 6. Призрак Любви	50
Глава 7. Дневник в Переплете из Лозы	59
Глава 8. Ядовитый Чай	67
Глава 9. Тени Сгущаются	76
Глава 10. Небесный Турнир	84
Глава 11. После Падения	91
Глава 12. След Змеи	99
Глава 13. Садовница Высокой Моды	106
Глава 14. Живой Доспех	114
Глава 15. Звездный Маскарад	122
Глава 16. Танец с Ветром	129
Глава 17. Улика	134
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Пролог

Сознание не вернулось — оно обрушилось. Словно кто-то, устав ждать, просто дернул рубильник, и тьма взорвалась реальностью. Первым ощущением был холод. Не тот привычный озноб осеннего утра, а мертвенный холод полированного мрамора под босыми ступнями.

Я стояла. Где — было первым вопросом. В чем — вторым. Тонкая шелковая сорочка, похожая на паутину, холодила кожу, которой было слишком много. Тело казалось чужим — легким, хрупким, незнакомым до дрожи. Я провела рукой по бедру — слишком гладко. Взглянула на свои ладони в тусклом лунном свете — длинные, узкие пальцы аристократки, ни единой мозоли, ни одного шрама от секатора. Не мои руки.

Воздух был густым и тяжелым. Он пах разлитым вином, терпким ароматом ночных цветов. А еще чем-то животным, мускусным, первобытным. Запахом секса.

Глаза, привыкнув к полумраку, выхватили из него очертания комнаты. Огромной, как бальный зал. Мебель из темного, почти черного дерева скалилась позолотой. Высокое арочное окно без занавесей открывало вид на звездное небо и острые шпили башен, пронзающих его, как копья.

А потом я увидела их.

На кровати, размером с небольшую лужайку, на смятых

атласных простынях цвета грозового неба, двигались два тела.

Он — бог, выкованный из золота и стали. Его спина, широкая и мускулистая, переливалась в лунном свете, волосы цвета расплавленного металла разметались по подушке.

Она — гибкая, темноволосая пантера, обвившая его ногами, ее тихий стон резал тишину, как отравленный клинок.

В этот самый миг, когда мой новый разум пытался переварить увиденное, меня пронзила волна чужой агонии. Она ударила изнутри, эхом в черепной коробке, голосом, который не был моим, но кричал моей болью.

«Метка... Она погасла... Просто исчезла, как дымка... Этого не может быть. Драконы не ошибаются...»

Воспоминание, острое, как осколок стекла. Вот она, эта девушка, в теле которой я теперь заперта, смотрит на свое запястье, где еще вчера сиял золотой узор, а теперь — лишь бледный, едва заметный шрам.

«Он обещал вечность... Сказал, что я его солнце... Я просто пришла спросить... Узнать, что случилось...»

И вот она идет по гулким коридорам этого чужого дворца, ее сердце стучит, как пойманная птица. Идет за ответами. А находит...

Я невольно сделала шаг назад, и старая половица под ногой протестующе скрипнула.

Звук был тихим, но в наэлектризованной тишине он прозвучал, как удар грома. Движение на кровати замерло. Го-

лова мужчины резко повернулась в мою сторону. Движение хищника, заметившего дичь.

Его звали Дравен Вексиан, наследный принц. Это я знала из чужих воспоминаний, которые сейчас роились в моей голове, как встревоженные пчелы.

Темноволосая женщина лениво приподнялась на локте. Ее наготу едва прикрывала простыня. На лице медленно расцвела торжествующая, ядовитая улыбка. Она смотрела на меня так, словно я была грязью на ее сапогах.

Но я смотрела только на него. На Дравена. Его изумрудные глаза встретились с моими. В остаточных воспоминаниях Серены — девушки, чье тело я невольно украла — эти глаза всегда горели теплом и обожанием. Теперь в них был только лед. Холодный, колючий, иррациональный. Ни капли вины, ни тени сожаления. Только чистое, незамутненное презрение.

Он не стал кричать. Он заговорил тихо, и от этого его слова стали еще страшнее.

«Полюбовалась?» — его голос, низкий и бархатный, сейчас походил на скрежет металла по стеклу. Он оглядел меня с головы до ног, и его губы скривились в брезгливой усмешке. «А теперь пошла вон».

Пауза, которую он выдержал, была хуже пощечины.

«Видеть тебя тошно», — продолжил он, и каждое слово было отточено, как лезвие. — «Твое место теперь в грязи, там, откуда ты и выползла. Не смей больше попадаться мне

на глаза».

Темноволосая женщина издала тихий смешок. Она обвиняла его шею рукой, демонстративно целуя в плечо и не сводя с меня победного, насмешливого взгляда. Она была хозяйкой положения. А я... я была никем.

Слова Дравена не просто оскорбили. Они ударили. Физически. Воздух выбило из легких, и комната поплыла, теряя очертания. Шок от попадания в другой мир. Агония от предательства, которое я чувствовала, как свое собственное. И этот поток яда, вылитый на меня. Тело Серены, уже истощенное горем, на грани самоубийства, не выдержало нового потрясения.

Ноги подогнулись.

Последнее, что я увидела, прежде чем мир схлопнулся в черную точку, — это холодные, безразличные глаза мужчины, которого это тело любило больше жизни, и торжествующая улыбка его любовницы.

«Это не сон», — пронеслось в моем угасающем сознании, и эта мысль была уже полностью моей. — «Это кошмар, который только начинался».

Глава 1. Сбежать или остаться

Меня вышвырнуло словно из глубокой, темной воды на каменистый берег.

Я лежала на узкой, жесткой кушетке, укрытая грубым шерстяным одеялом, царапавшим кожу. Комната была крошечной, с одним-единственным окном-бойницей под самым потолком. Пахло пылью, лавандой и чужим сочувствием. Комната для прислуги. После обморока меня не отнесли в роскошные покои Леди Серены. Меня просто убрали с глаз долой, как некрасивую, разбившуюся вазу.

В голове гудел рой чужих воспоминаний, болезненных и острых, как осколки стекла. Дравен. Ливия. Его ледяные глаза. Ее торжествующая улыбка.

Но сквозь эту агонию пробивался другой, более сильный импульс. Не мой. Это был инстинкт затравленного зверя, остаточная воля Серены, которая кричала об одном: бежать. Спрятаться. Найти место, где никто не увидит ее слез.

Подчиняясь этому чужому порыву, я поднялась. Ноги, тонкие и незнакомые, сами понесли меня прочь из душной каморки, по тихим, пустынным коридорам для слуг, вверх по узкой винтовой лестнице, туда, куда не заглядывали ни придворные, ни гвардейцы. Туда, где Серена пряталась не раз.

Тяжелая, окованная железом дверь поддалась с протесту-

ющим скрипом. И я шагнула...

Это было жалкое зрелище. Некогда изящный сад на крыше превратился в кладбище растений. Потрескавшиеся каменные плиты, сквозь которые пробивались пучки сорной травы, вели к мертвому фонтану с расколотой мраморной чашей, похожей на вскрытую грудную клетку. Засохшие, колючие плети диких роз, черные и безжизненные, цеплялись за обветшалую стену, как пальцы скелета. Воздух был холодным и влажным, пахнувшим гнилью, мокрой землей и горькой пылью.

Идеальное отражение моего нового положения. Благородные руины.

Я опустилась на колени у заросшей грядки. Холод камня пробрался сквозь тонкую ткань сорочки. Я посмотрела на свои руки — бледные, изящные, с тонкими запястьями, на одном из которых белел едва заметный шрам, похожий на выцветший узор. И в этот миг я впервые по-настоящему осознала все.

Я, Лина, двадцатидвухлетняя девчонка, которая знала цену каждому колоску и каждой мозоли, умерла. Мой мир с его тракторами, смартфонами и понятными правилами исчез, растворился, как сон. А эта девушка, Леди Серена Валериус, тоже умерла. Ее хрупкое, полное надежд сердце было растоптано прошлой ночью. Мы обе — призраки, запертые в одном теле.

Я зачерпнула горсть холодной, влажной земли. Она была

жирной, комковатой, пахла жизнью и смертью одновременно. Я сжала ее в кулаке, чувствуя, как грязь и влага просачиваются сквозь пальцы. Это было единственное, что казалось настоящим в этом мире иллюзий.

Они хотят, чтобы я исчезла. Сбежала, увяла, как эти розы. Они ждут слез и истерик. Но я не она. Я не сломаюсь. Если это моя новая жизнь, я буду в ней не увядать, а расти. Даже если придется начать с этого сорняка.

Я посмотрела на этот клочок заброшенной земли. Это не просто сад. Это — территория. Моя территория. Единственное, что я могу попросить, не унижаясь. Единственное, что им придется мне дать, чтобы не выглядеть мелкими тиранами. План родился не из хитрости, а из отчаянной нужды в чем-то своем. Я поднимусь. С самой земли.

Скрип двери заставил меня вздрогнуть. На пороге стоял гвардеец в сияющих стальных латах, с гербом дракона на груди. Его молодое, веснушчатое лицо выражало крайнюю степень изумления. Он явно ожидал увидеть рыдающую в подушку леди, а не перепачканное землей привидение в одной сорочке.

Он откашлялся, с трудом сохраняя официальный тон. «Леди Серена. Его Величество Король Теодред ожидает вас в Тронном зале».

Я медленно поднялась, отряхивая грязь с ладоней о шелк сорочки. Наплевать. Я посмотрела ему прямо в глаза, и в них мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

«Надеюсь, Его Величество не слишком торопится», — мой голос прозвучал на удивление ровно, без дрожи. — «Как видите, у меня были неотложные дела».

Путь в Тронный зал походил на шествие на эшафот. Мой грязный, неопрятный вид был безмолвным вызовом. Придворные, как стая стервятников, слетелись на зрелище. Их взгляды — любопытные, злорадные, презрительные — впились в меня, как шипы.

За спиной, словно шлейф из ядовитых змей, полз шепот. Я шла с высоко поднятой головой, чувствуя себя гладиатором на арене Колизея.

Тронный зал был огромен и холоден. Высокие сводчатые потолки терялись во мраке, а утренний свет, льющийся через витражные окна, рисовал на мраморном полу цветные, дрожащие пятна. Тишина была такой плотной, что, казалось, ее можно было потрогать. Весь двор был в сборе, одетый в бархат и шелка, словно на праздник. На праздник моего унижения.

На массивных золоченых тронах сидели Король Теодред и Королева Элара. Король — стареющий, но все еще могучий дракон в человеческом обличье, с гривой седеющих золотых волос и уставшими изумрудными глазами. Он не смотрел на меня.

Рядом с пустым троном наследника стоял Дравен. Его лицо было непроницаемо, словно высечено из нефрита. А у его ног, на специальной бархатной подушечке, сидела она. Ли-

вия Малакор. В роскошном платье цвета ночной фиалки, с торжествующей улыбкой на идеальных губах. Она была победительницей, и она упивалась своей победой.

Меня заставили пройти через весь зал. Каждый шаг отдавался гулким эхом. Я остановилась у подножия трона, чувствуя на себе сотни взглядов.

Король Теодред наконец заговорил. Его голос был ровным, отстраненным, голосом политика, а не отца, чей сын разрушил жизнь девушки.

«Леди Серена», — начал он, и в этой официальности было больше оскорбления, чем в любой ругани. — «В свете... прискорбного недоразумения, показавшего нам истинную волю судьбы, корона не может оставить вас без своей милости».

Он говорил о «воле судьбы», «щедрости», «признании службы». Ни слова извинений. Ни капли сожаления.

«В знак признания ваших... достоинств, — он запнулся, подбирая слова, — мы даруем вам титул баронессы и поместье в Солнечных Холмах. Казна обеспечит вас всем необходимым до конца ваших дней».

По залу пронесся одобрительный гул. Какая щедрость! Какое милосердие! Но я слышала истинный смысл этих слов: «Возьми деньги и исчезни. Не позорь нас своим присутствием». Это была не награда. Это было изгнание. Красиво упакованная ссылка.

Я молчала. Весь зал затаил дыхание, ожидая моей реак-

ции. Слезы? Благодарность? Истерика? Я чувствовала, как остаточные эмоции Серены захлестывают меня — паническое желание согласиться, сбежать, спрятаться от всех этих глаз. Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, вспоминая ощущение холодной, честной земли в руках.

Я подняла голову.

«Благодарю вас за щедрость, Ваше Величество», — мой голос прозвучал тихо, но в звенящей тишине зала его услышал каждый. — «Но я вынуждена отказаться».

Тишина взорвалась. По залу пронесся потрясенный вздох. Отказаться? От состояния, от титула? Это было безумие. Я видела, как застыло лицо короля. Видела, как Дравен, впервые за все это время, посмотрел на меня с неподдельным, острым интересом.

«Мне не нужны ни титулы, ни поместья», — продолжила я, и в моем голосе появилась сталь. — «Я прошу лишь об одном. О маленьком даре в память о... былом. Отдайте мне заброшенный сад на северной крыше дворца. Большого я не желаю».

Тишина сменилась гулом. Теперь это были смешки. Недоумение. Просить мусорную свалку вместо состояния? Девчонка окончательно повредила в уме от горя. Ливия Малакор смотрела на меня так, словно я была забавным, но совершенно безобидным насекомым.

Но Король не смеялся. Он попал в ловушку. Отказать в такой ничтожной просьбе после предложения целого поме-

стья — значит проявить себя мелочным и жестоким тираном на глазах у всего двора. Согласиться — значит позволить мне, ходячему напоминанию о его семейном конфузе, остаться прямо у них под носом.

Он выбрал меньшее из зол.

«Как пожелаете», — процедил он сквозь зубы, и его челюсти напряглись. — «Сад ваш».

Я сделала низкий, безупречный реверанс. И, не глядя больше ни на кого — ни на растерянного короля, ни на заинтригованного Дравена, ни на уязвленную Ливию — я развернулась и пошла к выходу.

Я чувствовала на своей спине их взгляды — недоумевающие, злые, восхищенные. Я не победила. Но я и не проиграла.

Глава 2. Союзница

Не прошло и часа после моего дерзкого демарша в Тронном зале, как за мной пришли. Не стража с кандалами, что было бы, по крайней мере, честно, а безликий дворцовый сенешаль в ливрее цвета пыли, сопровождаемый двумя служанками с такими же бесцветными лицами. Он вошел в роскошные покои Леди Серены, которые я все еще считала чужими, и, не глядя мне в глаза, произнес заученную фразу:

«Леди, вам надлежит освободить апартаменты. Ваши новые покои готовы».

Он не просил. Он информировал. Приговор был приведен в исполнение с безжалостной скоростью. Служанки, похожие на двух молчаливых кукол, двинулись к огромному гардеробу из резного дуба, намереваясь упаковать шелка, бархат и кружева — всю ту мишуру, что составляла жизнь прежней хозяйки этого тела.

«Стойте», — мой голос прозвучал неожиданно твердо.

Они замерли. Сенешаль, наконец, удостоил меня взглядом. В его глазах не было ничего, кроме усталого безразличия человека, привыкшего исполнять неприятные приказы.

Я подошла к гардеробу, распахнула створки. Воздух наполнился ароматом лаванды и дорогих духов. Десятки платьев, похожих на застывшие водопады, висели в идеальном порядке. Это была броня Серены, ее оперение, ее способ

быть видимой.

Я провела пальцами по холодному шелку одного, затем решительно отодвинула его. Мой выбор пал на несколько самых простых, темных платьев из плотной шерсти, пару крепких кожаных туфель без каблуков и длинный дорожный плащ с глубоким капюшоном. Все остальное — веера из перьев, расшитые жемчугом перчатки, сверкающие диадемы — меня не интересовало.

«Леди, вам дозволено взять все личные вещи», — бесцветно напомнил сенешаль, словно подозревал меня в попытке устроить мелодраму.

«Я беру только то, что мне принадлежит», — ответила я, не глядя на него. Я закрыла створки гардероба, отрезая прошлое. — «Остальное — реквизит для роли, которую я больше не играю».

На его лице мелькнуло что-то похожее на удивление, но тут же исчезло.

Путь в новую жизнь пролегал по дворцовым артериям. Мы покинули светлое, залитое солнцем Южное крыло, где на стенах висели гобелены со сценами драконьих побед, а под ногами пружинили мягкие ковры.

Нас поглотили узкие, сумрачные коридоры Северного крыла. Здесь воздух был холоднее, свет из редких окон — тусклым и серым, а единственным украшением служили выцветшие портьеры, пахнувшие пылью и забвением. Это было крыло для бедных родственников, гостей без титулов и тех,

кто впал в немилость. Дворцовое чистилище.

Комната, в которую меня привели, была не просто скромной — она была унижительной. Узкая кровать с комковатым матрасом. Скрипучий шкаф, от которого пахло нафталином. Стол с предательски шатающейся ножкой и единственный стул, который, казалось, вот-вот развалится. Это была не комната, а келья. Камера для почетной узницы.

Сенешаль и служанки удалились, тихо прикрыв за собой дверь. Звук щелкнувшего замка в оглушительной тишине прозвучал, как выстрел.

Я осталась одна. Не было ни слез, ни истерики, которых, вероятно, от меня ждали. Была лишь звенящая пустота и холодный, аналитический интерес. Мой взгляд упал на стол.

Он раздражал.

Его шаткость, его несовершенство было символом всей моей нынешней ситуации. Я опустилась на колени, пытаюсь подsunуть под короткую ножку сложенный листок бумаги, найденный в пустом ящике. В этом простом, осмысленном действии было больше терапии, чем в любых утешениях.

Дверь распахнулась без стука, и я едва не подпрыгнула от неожиданности.

На пороге стояла девушка лет двадцати, с целой копной непослушных рыжих кудряшек, которые жили своей собственной, бурной жизнью. Ее лицо было усыпано веснушками, а в живых, любопытных серых глазах плясали чертенята.

В руках она держала небольшой деревянный поднос с ды-

мящейся чашкой и аппетитным куском яблочного пирога. Она пришла сюда, ведомая смесью сочувствия и жгучего любопытства, чтобы поглазеть на сломленную горем аристократку.

Вместо этого она увидела странную картину: бывшая невеста наследного принца на четвереньках ковыряется под столом, задрав подол простого платья.

Она застыла на пороге, ее рот слегка приоткрылся.

«Леди Серена?...» — ее голос был похож на щебет воробья. — «Я... Ваша милость, что вы делаете?»

Я не стала вскакивать и принимать благородную позу. Я лишь бросила на нее взгляд через плечо.

«Провожу инспекцию», — деловито сообщила я. — «Эта развалюха шатается больше, чем пьяный барон на балу после бочки эля».

Мой тон, лишенный аристократической томности, и совершенно неподобающее сравнение произвели эффект. Рыжая девушка моргнула, потом еще раз. А потом ее губы дрогнули, и она прыснула со смеху, тут же прикрыв рот ладонью.

«Простите, ваша милость! Я не хотела!»

«Перестань называть меня «ваша милость», — проворчала я, наконец выпрямляясь. — От этого титула у меня теперь только несварение. Зови меня Лина».

Это было имя из прошлой жизни. Произнеся его вслух, я почувствовала, как что-то внутри встало на свои места. Я больше не играла роль Серены.

Девушка, все еще хихикая, шагнула в комнату и поставила поднос на тот самый стол. Он тут же угрожающе накренился, и чашка поехала к краю. Я ловко подхватила ее за мгновение до катастрофы.

«Вот, я же говорила», — констатировала я. — «У этой мебели суицидальные наклонности».

«Меня зовут Элара», — представилась она, окончательно перестав стесняться. — «Моя мать — главная горничная. Я принесла вам чаю. С медом и ромашкой. Мама говорит, он успокаивает нервы».

«Твоя мама очень добра», — сказала я, делая глоток. Чай был горячим, сладким и действительно успокаивал. — «А ты очень любопытна».

Элара покраснела до корней своих огненных волос. «Ну... весь дворец гудит, как растревоженный улей. Все думали, вы возьмете деньги и уедете в поместье. Никто не ожидал, что вы попросите... сад».

«А чего они ожидали? Что я буду рыдать и посыпать голову пеплом?» — я села на край кровати, жестом приглашая ее сделать то же самое. Она с сомнением посмотрела на единственный шаткий стул, а потом решительно опустилась на пол, прислонившись к моей кровати.

«Именно этого и ожидали», — заговорщицким шепотом сообщила Элара, и ее глаза заблестели. В этот момент она перестала быть служанкой, а я — леди. Мы были просто двумя девушками, делящимися секретами. — «А эта змея, Ливия,

уже переехала в покои наследного принца. Говорят, первым делом приказала сжечь ваш портрет, что висел над камином. А фрейлину, что посмела сказать, что это дурная примета, выгнала на улицу в тот же день, без рекомендации».

Я хмыкнула. Жестоко, но эффективно. Она быстро зачищала территорию.

«А принц?» — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал безразлично.

Элара нахмурилась, поджав губы. «А принц... он сам не свой. То смотрит на нее, как на седьмое чудо света, то срывается на гвардейцев из-за пылинки на сапоге. Моя мать говорит, он никогда таким не был. Вспыльчивым — да. Гордым — да. Но не... злым. Словно его подменили».

Или опоили, — мелькнула у меня мысль, острая и холодная. Но я отогнала ее. Слишком рано для теорий. Сначала — факты.

«Все думали, что вы сумасшедшая, когда отказались от денег», — продолжила Элара. — «Но теперь... теперь они боятся. Вы нарушили правила игры. Старый генерал гвардии, лорд Торвин, который еще вашему отцу служил, сказал вчера в оружейной, что в вас проснулась волчья кровь Валериусов. Сказал: «Волчица, загнанная в угол, не скулит. Она точит зубы»».

Эта новость согрела меня лучше, чем чай. Значит, у меня могут быть союзники. Или, по крайней мере, те, кто не станет сразу в меня плевать.

Элара вдруг спохватилась, поняв, сколько всего выболтала.

«Ох, язык мой — враг мой!» — испуганно прошептала она. — «Я, наверное, не должна была вам всего этого рассказывать, леди... Лина?!...»

Я посмотрела на нее с первой за весь день искренней, теплой улыбкой.

«Элара. Ты только что дала мне карту минного поля, на котором я стою. Ты дала мне и меч, и щит. Спасибо».

Я взяла со своего подноса кусок пирога, аккуратно разложила его пополам и протянула ей половину. Она смотрела то на пирог, то на меня, и в ее глазах стояли слезы. Этот простой жест — разделенная еда — стер последнюю грань между леди и служанкой. Мы стали заговорщицами.

Она, просияв, взяла свою долю.

«Если вам понадобится узнать, какие коридоры во дворце по ночам становятся «глухими», или у какого камердинера слишком длинный язык, или какое вино подавали на ужин принцу, — она понизила голос, — просто спросите. Моя мать говорит, что стены дворца все слышат, а я — та, кто с ними разговаривает».

Она быстро доела пирог, подхватила пустую чашку и выскользнула за дверь так же внезапно, как и появилась.

Я осталась одна в своей маленькой, убогой комнате. Но теперь это была не тюрьма. Это был штаб. Я посмотрела на шатающийся стол, и в моих глазах появилась хитрая усмешка.

ка. Я знала, с чего начну.

Сначала — почию стол. А потом — весь этот прогнивший, лицемерный мир.

Глава 3. Король Ветров

Я проснулась от ощущения чужого поцелуя на губах.

Он был теплым, требовательным и до боли знакомым. Во сне я была не собой. Я была Сереной, юной и по уши влюбленной, стоящей под цветущей яблоней в дворцовом саду.

Дравен, еще не принц, а просто юноша с глазами цвета весенней листвы, нежно обнимал ее за талию. Его золотые волосы щекотали ей щеку, а его шепот был обещанием вечности. «Ты мое солнце, Серена. Всегда будешь моим солнцем». И потом этот поцелуй, от которого земля уходила из-под ног.

Я села на кровати, тяжело дыша. Сердце колотилось, как бешеное, а на губах все еще горел фантомный жар. Это было не мое воспоминание, но эмоции — восторг, обожание, слепая вера — захлестнули меня, как приливная волна.

Часть меня, та, что все еще была связана с этим телом, предательски откликнулась. На мгновение я почувствовала укол тоски по мужчине, который прошлой ночью смотрел на меня с ненавистью.

Нет, — я яростно потерла губы тыльной стороной ладони, стирая призрачное прикосновение. — Это не мои чувства. Это ее. Я не буду тосковать по своему тюремщику.

Этот сон стал последней каплей. Сидеть в этой келье, тонуть в чужом прошлом — это путь к безумию. Мне нужно

было действовать. Мне нужен был мой сад.

«Элара», — прошептала я в темноту, зная, что она ждет за дверью.

Она проскользнула в комнату, как рыжий мышонок, сжимая в руках узелок с хлебом и сыром.

«Кошмары?» — сочувственно спросила она.

«Воспоминания», — поправила я. — «Что еще хуже. Мне нужны инструменты. Сегодня ночью».

План был дерзким и глупым, и именно поэтому он мне нравился. Элара, с ее знанием всех тайных ходов, была идеальным проводником.

Дождавшись, когда ночная стража сменит посты, мы выскользнули из моей комнаты. Дворец ночью был совершенно другим: не величественным, а зловещим. Тени сгущались в углах, сквозняки стонали в коридорах, а гобелены на стенах, казалось, наблюдали за нами выцветшими глазами.

Мы крались по служебным переходам, когда Элара вдруг схватила меня за руку и втокнула в темную нишу за статуей какого-то безносого короля. Из-за приоткрытой двери кабинета советника по казначейству доносились приглушенные мужские голоса.

«...поставки из Малакора должны быть ускорены. Зелье действует, но его эффект нестабилен», — говорил один, низкий и рокочущий.

«Принц становится непредсказуемым», — отвечал второй, более резкий и нервный. — «Его... привязанность к

этой девке, Ливии, сильна, но его внутренний зверь мечется. Вчера он едва не испепелил конюха за плохо вычищенную сбрую. Если он сорвется до Эмпирейского Слета, весь наш план...»

«Он не сорвется», — оборвал его первый. — «Ливия знает, как им управлять. Главное — чтобы Солнечный Камень оказался на ее руке. После этого Дравен будет полностью наш. А король... король станет лишь печальной страницей в истории».

Дверь со скрипом открылась, и мы вжались в нишу, едва дыша. Мимо прошли две тени, закутанные в темные плащи с капюшонами, скрывающими лица. Узнать их было невозможно. Они свернули за угол, и их шаги затихли.

Мы молчали, пока не добрались до моей комнаты.

«Ты слышала?» — прошептала Элара, ее глаза были круглыми от ужаса. — «Заговор! Они что-то делают с принцем!»

«Да, слышала», — я старалась, чтобы мой голос звучал спокойно, хотя сердце все еще колотилось. — «Они упомянули Малакор. Семью Ливии. Неудивительно».

«Мы должны рассказать королю!»

«И что мы ему скажем?» — я горько усмехнулась. — «Что две девчонки, одна из которых впадшая в немилость бывшая, а вторая — служанка, подслушали разговор двух теней в коридоре? Нас в лучшем случае поднимут на смех, в худшем — бросят в темницу за клевету. Нет, Элара. Это не наша война. Мне плевать на этого никчемного дракона и его трон. Моя

единственная война — за тот клочок земли на крыше».

Я видела разочарование в ее глазах, но она кивнула. Я лгла ей и себе. Мне было не все равно. Но вмешиваться сейчас — самоубийство. Сначала — крепость. Потом — война.

Старая кладовая встретила нас запахом прелой листвы и ржавого металла. В свете магического огонька, который Элара зажгла на кончике пальца, мы нашли мои сокровища: старую, но крепкую лопату, мотыгу с треснувшим черенком, грабли и пару грубых перчаток. Я также наткнулась на маленькую, покрытую пылью лейку в форме дракончика с отбитым крылом. С кривой усмешкой я сунула ее в мешок. Идеальный символ моей новой жизни.

Вернувшись с трофеями, я чувствовала себя не униженной аристократкой, а солдатом, добывшим оружие.

Следующий день я посвятила своему королевству. Надев самое простое из платьев Серены и грубые перчатки, я вышла в сад. Солнце припекало, и я, впервые за долгое время, почувствовала его тепло не как врага, а как союзника. Я безжалостно вгрызлась мотыгой в плотную, спрессованную землю, выдирая с корнем колючие сорняки, которые были выше меня ростом.

Это была тяжелая, честная работа. Пот стекал по вискам, идеальная платиновая прическа растрепалась, выбившиеся пряди липли ко лбу, а подол платья быстро превратился в грязную тряпку. Но я чувствовала не усталость, а пьянящую

эйфорию. Каждый вырванный сорняк был маленькой победой. Я сбрасывала с себя не только бурьян, но и шелуху чужой, навязанной мне жизни.

В разгар этого сражения я услышала резкий свист, а затем — громкий хлопок кожистых крыльев. Звук донесся с соседней, более высокой крыши, которая, как я теперь видела, была огромной, вымощенной камнем тренировочной площадкой. Там, спешившись с виверны — свирепого ящера с гребнем на спине, — стоял капитан Арион. Он хлопнул зверя по чешуйчатой шее и повернулся. И, конечно же, заметил меня — растрепанную, грязную фигурку с мотыгой наперевес.

Он усмехнулся, и его улыбка была такой же яркой, как солнце над его головой.

«Леди Серена!» — крикнул он сверху, и его голос был сильным, привыкшим перекрывать рев ветра. — «Не знал, что дворцовые дамы теперь проходят курс выживания. Готовитесь к войне с одуванчиками?»

Я прищурилась, глядя на его крепкую фигуру в облегающей кожаной форме.

«Капитан Арион!» — крикнула я в ответ, вкладывая в голос весь сарказм, на который была способна. — «А я не знала, что королевские всадники тратят время на подглядывание за чужими огородами. Бойтесь, что мой бурьян пойдет в атаку на ваших ящериц?»

Его смех был громким и искренним. Заинтригованный, он легко, одним движением, спрыгнул с парапета своей пло-

щадки на мою, приземлившись так же легко, как кошка. Теперь он стоял рядом, и я ощутила его рост, его силу и запах — не приторных духов, а ветра, кожи и чего-то еще, неуловимо-острого.

«Серьезный противник», — сказал он, оглядывая мое «поле боя» с уважением. Его карие глаза, теплые и внимательные, изучали меня без капли жалости или презрения. — «Но, кажется, вы справляетесь. Хотя, ваша техника...» — он с сомнением покачал головой, — «...весьма аристократична. Вы пытаетесь выполоть его или насмерть защекотать?»

«Раз уж вы такой эксперт в агрономии, капитан, может, у вас есть предложения получше?» — фыркнула я, чувствуя, как по щекам разливается румянец — не от смущения, а от азарта.

«Возможно», — он улыбнулся, и в уголках его глаз собрались веселые морщинки. — «Я хоть и летаю, но вырос на ферме. И я точно знаю, что такое крапива и как с ней бороться. Можно?»

Не дожидаясь ответа, он взял у меня мотыгу. Его пальцы на мгновение коснулись моих, и я почувствовала их грубую, мозолистую кожу.

«Виверн вы, конечно, не видели вблизи», — продолжил он, заметив мой любопытный взгляд на его площадку.

«Только на картинках», — призналась я. Из воспинаний Серены я уже многое знала об этом мире, но далеко не все. — «А во что вы там играете?»

«О, это лучший спорт в мире. «Небесное Копье». Две команды, по пять всадников. Вон там, в центре, — он кивнул на сложный механизм в середине площадки, — во время игры парит магическая сфера, «солнце». Задача — поразить ее копьем и загнать в кольцо противника. Это как рыцарский турнир, только в трех измерениях. Скорость, риск и полное доверие к своему зверю».

Его глаза горели, когда он говорил об этом. Он любил свое дело.

«А теперь, леди, ваш урок», — он усмехнулся. — «Смотрите. Не так», — он сделал несколько неуклюжих, пародийных движений, изображая меня. — «А вот так».

Он встал у меня за спиной, так близко, что я ощутила тепло, исходящее от его тела. Его сильные, загорелые руки легли поверх моих на деревянную рукоятку мотыги. Я замерла, сердце пропустило удар. Это было не похоже на воспоминание о поцелуе Дравена. То было сладким ядом, иллюзией. Это же было настоящим, осязаемым. Его дыхание коснулось моего уха.

«Работайте не руками, а всем телом», — его голос был низким и спокойным. — «Весом. Спиной. Вот так. Чувствуете? Земля сама поддается».

Он направлял мои движения, и под его руководством тяжелая работа стала похожа на танец. Мы молчали, и в этой тишине, нарушаемой лишь звуком мотыги и нашим общим дыханием, было больше близости, чем в любом изысканном

комплименте. Никаких интриг, никакой лжи. Только двое людей и кусок земли.

Наконец, он отступил. Я тяжело дышала, чувствуя приятную усталость в мышцах.

«Ну вот», — он подмигнул мне. — «Теперь вы — сертифицированный истребитель сорняков. Если надоест воевать с растениями, приходите ко мне в команду. Из вас получится отличный загонщик для виверн, у вас есть характер».

«Спасибо за предложение, капитан», — я улыбнулась ему, и эта улыбка была первой по-настоящему счастливой за все время в этом мире. — «Но, боюсь, мои враги пока что не умеют летать».

«Жаль», — он так же легко, как и спустился, запрыгнул обратно на свою площадку. — «Но если передумаете, мое предложение в силе, Серена».

Арион вернулся к своей виверне, а я осталась одна, сжимая в руках теплую от его ладоней рукоятку мотыги. Я посмотрела на расчищенный клочок земли. Это уже был не просто хаос. Это было начало.

И впервые за долгое время я почувствовала не отчаяние, а надежду. И еще что-то. Что-то теплое и трепетное, зарождающееся в груди. Что-то, что не имело никакого отношения к драконам, меткам и чужим воспоминаниям. Что-то, что было только моим.

♥# *Нравится книга? Подпишитесь на мою страницу по*

этой ссылке: <https://litnet.com/shrt/gQPG> Просто нажмите
кнопку "Отслеживать автора"вверху профиля! Плюсик к
карме и +100 к моей мотивации работать еще больше ради
Вас! ♥#

Глава 4. Первые плоды

Прошли дни, превратившись в недели. Они были похожи один на другой, и в этом однообразии я обрела спасение.

Рассвет заставлял меня уже в моем огороде, закат провожал оттуда же. Я жила по ритму солнца, а не дворцовых интриг. Мое тело, изнеженное аристократическое тело Серены, поначалу бунтовало.

Мышцы, не знавшие ничего тяжелее веера, болели нещадно. Нежная кожа на ладонях, несмотря на перчатки, покрывалась мозолями. Но с каждым днем я становилась сильнее. И с каждым днем этот сад все больше становился моим.

Я расчистила уже значительный участок, и под спутанными корнями сорняков обнажилась темная, жирная, плодородная земля. Она пахла дождем и обещаниями. Это был мой холст. Моя земля обетованная.

В один из таких дней, разбирая завал из обломков старой мраморной скамьи, я нашла его. Старый розовый куст, который я поначалу приняла за мертвого.

Его ветви были сухими и колючими, как проволока, черными от гнили. Но у самого основания, там, где корень еще цеплялся за жизнь, я заметила крошечный, почти невидимый зеленый росток. На нем трепетали два сморщенных, увядших листочка. Он был единственным благородным растением, выжившим в этом царстве бурьяна.

Я опустилась на колени. В этом чахлом, упрямом ростке я увидела нас обеих — и себя, и Серену. Что-то, что должно было быть прекрасным, почти уничтоженное, но отчаянно цепляющееся за жизнь.

Спасти его стало для меня делом чести. Я аккуратно, сантиметр за сантиметром, расчистила вокруг него землю, убрала острые осколки мрамора и полила водой из своей уродливой лейки-дракончика.

Но простой воды было мало. Росток был слишком слаб. Он умирал.

Я сидела перед ним на корточках, чувствуя свое бессилие. И тогда я вспомнила. Вспышка из прошлой жизни: моя бабушка, ее морщинистые, пахнущие землей руки, склонившиеся над грядкой с помидорами. Она никогда не пользовалась удобрениями. Она просто клала ладони на землю и что-то тихо шептала. Я всегда думала, что это просто стариковские причуды.

Чувствуя себя невероятно глупо, я сняла перчатку и положила ладонь на прохладную землю рядом с ростком. Я закрыла глаза. Что шептала бабушка, я не помнила. Поэтому я стала говорить от себя. Не вслух, а мысленно, направляя поток эмоций прямо в темную, влажную почву. Я не просила и не приказывала. Я делилась.

Я вливала в него свое упрямство, свое желание выжить назло всем. Я вспоминала тепло солнца на своей коже, насмешливую, но добрую улыбку Ариона, вкус простого яблоч-

ного пирога Элары. Я делилась с этим маленьким ростком всем хорошим, что у меня было, всем, что давало мне силы.

И случилось чудо.

Под моей ладонью земля ощутимо потеплела. Я почувствовала слабую, едва уловимую пульсацию, идущую от корней, словно крошечное, сонное сердце начало биться. Я распахнула глаза. Два увядших листочка на ростке медленно, почти незаметно, распрямились. Их края перестали быть сухими и коричневыми. Они налились бледным, но живым зеленым цветом.

Это был не фокус. Это был отклик.

Я отдернула руку, как от огня. Сердце колотилось в груди так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет. Это была не просто интуиция. Это была сила. Моя. Личная. Она не имела ничего общего с магией крови, с превращениями в драконов и волков. Это была магия земли. Магия жизни. И она была во мне.

Воодушевление сменилось исследовательским азартом. Мне нужен был материал для экспериментов.

«Элара, мне нужны семена», — сказала я ей тем же вечером.

«Какие, леди Лина? Лунные фиалки? Поющие колокольчики?»

«Нет», — я усмехнулась. — «Морковь. Тыква. Перец. И самые обычные полевые цветы. Ромашки, васильки, маки. То, что растет за стенами дворца».

Элара посмотрела на меня с недоумением, но выполнила

просьбу. На следующий день она, используя свои безграничные связи на кухне и среди садовников, принесла мне целый узелок с драгоценными семенами. Мой сад превратился в лабораторию под открытым небом.

Эксперимент первый: эмоциональная окраска. Я устроила две клумбы. Сажая семена васильков на одной, я напевала веселую, дурацкую песенку из своего мира, вспоминая беззаботные летние дни. Сажая семена на второй, я заставила себя вновь пережить унижение в Тронном зале, всю ту боль, горечь и ярость. Результат превзошел все ожидания. Через несколько дней на первой клумбе взошли крепкие ростки, которые вскоре распустились крупными, ярко-синими цветами, источающими легкий, медовый аромат. Цветы на второй клумбе были чахлыми, их лепестки — бледными, почти серыми, а запах — горьким, как у полыни. Мои эмоции стали удобрением.

Эксперимент второй: звуковая гармония. Я высадила в ряд семена моркови. Над одной половиной грядки я просто ухаживала, как обычно. Над второй — каждый день, поливая, тихо мурлыкала простую мелодию без слов, которую в детстве мне пела бабушка. Когда пришло время собирать первый урожай, я выдернула по одной морковке из каждой секции. Первая была обычной. Твердой, оранжевой, пахнущей землей. Но вторая... вторая была произведением искусства. Она была ярче, слаще, хрустела так, что сок брызгал во все стороны, и оставляла во рту легкое медовое послевкусие.

Элара, ставшая моим единственным зрителем и дегустатором, застала меня как раз за одним из таких «концертов» для овощей.

«Леди Лина, что вы делаете?» — спросила она, с изумлением глядя, как я напеваю что-то грядке с перцем.

«Э-э-э...» — я смутилась, как школьница, пойманная на списывании. — «Агротехнические инновации. Повышаю урожайность методом звукового резонанса».

Она посмотрела на меня с сомнением, но потом я дала ей попробовать «музыкальную» морковку. Ее глаза расширились.

«Ого! Да вы волшебница! Настоящая!» — восхищенно выдохнула она. — «Не то что эти... которые только в зверей умеют превращаться да нос задирать!»

Ее простая, искренняя вера в меня стояла больше, чем одобрение любого короля.

Вечером я сидела на краю крыши, свесив ноги вниз. Далеко внизу кипела жизнь столицы, но здесь, наверху, царили тишина и покой. Рядом со мной, в любовно окопанной лунке, мой розовый куст выпустил еще один новый, здоровый листок. Мой сад-огород оживал. Он перестал быть кладбищем и превратился в мою крепость, мою лабораторию, мой холст.

Я думала о своей магии. Это не была великая, разрушительная сила. Я не могла испепелять врагов или вызывать бури. Но я могла создавать. Лечить. Дарить вкус и радость. Это

была тихая, созидательная магия, и она казалась мне гораздо более ценной, чем любая другая.

Я больше не была просто выживающей. У меня появился инструмент. Оружие и щит, выращенные из земли.

Мой взгляд скользнул к тренировочной площадке Ариона, сейчас пустой. Я вспомнила тепло его рук, его легкую усмешку, и на моих губах сама собой появилась улыбка. Затем я посмотрела на главный шпиль дворца, где, как я знала, находились покои Дравена. Чувства Серены все еще отзывались во мне слабой, ноющей болью, но теперь эта боль не казалась всепоглощающей. Ее перекрывало новое, сильное чувство — чувство уверенности.

Внезапный звук шагов за спиной заставил меня вздрогнуть. Я резко обернулась.

На пороге моего сада стоял Дравен.

Он был один, без свиты, одет не в парадный камзол, а в простую тренировочную тунику, которая, впрочем, лишь подчеркивала мощь его плеч. Его золотые волосы были слегка растрепаны, а в изумрудных глазах плескалась буря. Он выглядел так, словно долго боролся с собой, прежде чем прийти сюда.

«Отец просил передать это», — он шагнул вперед, протягивая мне небольшой свиток, перевязанный королевской печатью. Это был официальный указ, дарующий мне сад в вечное пользование. Явный предлог. — «Он считает, что формальности должны быть соблюдены».

Его голос был резким, почти враждебным, но что-то непреодолимое тянуло его сюда. Я это чувствовала. И, к своему стыду, чувствовала отклик. Предательское тепло разлилось внизу живота. Это было не мое желание, а эхо тела Серены, которое помнило его ласки, его страсть. Я ненавидела себя за эту слабость.

«Передайте Его Величеству мою благодарность», — холодно ответила я, забирая свиток, стараясь не коснуться его пальцев.

«Чем ты тут занимаешься?» — он обвел сад взглядом, в котором смешались презрение и странное, голодное любопытство. — «Играешь в крестьянку? Наслаждаешься своей ролью мученицы?»

«Я работаю», — отрезала я. — «Понятие, которое вам, ваше высочество, вряд ли знакомо».

Его ноздри раздулись. Он шагнул ко мне, и я невольно отступила. Расстояние между нами сократилось до опасного. Я чувствовала жар, исходящий от его тела, и видела, как в его глазах борется ненависть, навязанная, возможно, зельем, и что-то еще, более глубокое и древнее. Его дракон рвался ко мне.

В этот самый момент воздух прорезал резкий свист, и на соседнюю площадку, тяжело приземлившись, опустилась виверна. С ее спины легко спрыгнул Арион. Он увидел нас, и его веселая улыбка мгновенно стерлась с лица.

«Серена?» — его голос прозвучал напряженно. Он не кри-

чал, но в этом простом вопросе было больше защиты, чем в целом легионе гвардейцев. — «Все в порядке?»

Дравен медленно повернул голову в его сторону. Два мужчины — принц и простолюдин, дракон и человек — впились друг в друга взглядами. Воздух между ними загустел, затрещал от невидимого электричества. Это было не просто недожество. Это было столкновение двух самцов, двух миров, борющихся за одну территорию. За меня.

Дравен криво усмехнулся, но его усмешка была похожа на оскал.

«Всегда к вашим услугам, капитан», — процедил он, бросив на Ариона ледяной взгляд. — «Как верный пес, спешащий на зов хозяйки». Он перевел взгляд на меня. «Впрочем, какая хозяйка, такой и пес. Вы идеально подходите друг другу. Копайтесь в своей грязи».

С этими словами он резко развернулся и ушел, оставив за собой шлейф ярости и унижения.

Я стояла, сжимая в руке свиток. Слова Дравена были жестоки, но в голове у меня стучали другие, подслушанные в ночи: «...зелье действует... Дравен будет полностью наш...». Он не просто жесток. Он — марионетка. В чужих руках. Но чьих?

«Он тебя обидел?» — Арион уже стоял рядом, его лицо было серьезным, а в карих глазах плескалось беспокойство.

Я покачала головой, не доверяя своему голосу. Рассказать ему? Поделиться страшной тайной? Нет. Это было бы слиш-

ком опасно для него. Это вообще была не моя битва.

«Все в порядке», — солгала я, выдавив из себя улыбку. — «Просто обмен любезностями с его высочеством. Обычное дело».

Арион смотрел на меня долгим, пронзительным взглядом, и я знала, что он мне не верит. Но он не стал настаивать. Он лишь кивнул и посмотрел на мой расчищенный сад, на робкие зеленые всходы.

«Ты и правда волшебница, Серена», — тихо сказал он, и в его голосе было столько тепла, что оно растопило лед, оставленный Дравеном.

Я знала, что он не имеет понятия, насколько он прав. И знала, что буря только начинается.

Глава 5. Смешной Урожай

Мой сад преобразился. Он больше не был кладбищем несбывшихся надежд, а превратился в оазис, наглый зеленый вызов серому камню дворца.

Розовый куст, который я спасла от смерти, покрылся новыми, глянцевыми листьями и, вопреки всем законам природы и времени года, готовился выпустить несколько тугих, кремовых бутонов. Грядки, которые я вскопала своими руками, теперь ломились от урожая, пышущего здоровьем и... характером.

Мои дни обрели приятный, успокаивающий ритм. Утром — работа в саду. Днем — визиты друзей, которые стали такой же неотъемлемой частью моей жизни, как и сами растения.

Элара прибегала, запыхавшись, с последними дворцовыми новостями, ее рыжие кудри подпрыгивали в такт ее щебету. Арион заглядывал после тренировок, высокий, пахнущий ветром и кожей, сбрасывал на каменную плиту тяжелый шлем и сваливался на траву, которую я вырастила у фонтана, рассказывая байки с арены.

Мы втроем часто сидели так, среди жужжания пчел, которых невесть откуда привлекли мои цветы, делили простой обед, который приносила Элара, и смеялись. Я почти забывала, что нахожусь в золотой клетке.

Именно во время одной из таких посиделок и родилась катастрофа.

Я продолжала свои эксперименты. В углу сада, на самом солнцепеке, у меня выросло несколько огромных, идеально круглых оранжевых тыкв. Они были так хороши, что казались ненастоящими. Вспомнив, как магия впитывает эмоции, я решила попробовать что-то новое.

«Арион, расскажи что-нибудь смешное», — попросила я, поливая одну из тыкв из своей лейки-дракончика. — «Хочу проверить одну теорию».

Он откинулся на спину, заложив руки за голову, и хитро прищурился, глядя в синее небо.

«Хорошо, слушай», — начал он, и в его голосе заиграли озорные нотки. — «Идет как-то по лесу гном. Угрюмый, борода до колен, в руках топор. Навстречу ему — фея, вся такая воздушная, крылышками бяк-бяк-бяк, пыльцой сыплет. Подлетает к гному и говорит: «О, благородный гном! Я — фея желаний! За твою суровую красоту и трудолюбие я исполню три твоих желания!»

Арион сделал паузу, явно наслаждаясь моментом.

«Гном смотрит на нее исподлобья и бурчит: «Первое желание: хочу бочку эля, который никогда не кончается». Хлоп! Рядом с ним появляется огромная бочка. Гном отшибает крышку, делает большой глоток, крякает от удовольствия. Фея порхает вокруг: «Чудесно! А второе желание?» Гном, не отрываясь от бочки, рычит: «Хочу еще одну такую

же!» Хлоп! Появляется вторая бочка. Фея в восторге: «Как практично! А третье, последнее, самое заветное желание?»

Тут Арион понизил голос до басовитого гномьего рыка:

«Гном вытирает пену с усов, смотрит на фею тяжелым взглядом и говорит: «А третье желание... знаешь что? Дай-ка мне еще одну бочку эля!»

Мы с Эларой расхохотались. Анекдот был не столько смешным, сколько до абсурда жизненным и точно отражающим суть гномьей натуры, о которой ходили легенды.

Я, все еще смеясь, похлопала по упругому боку ближайшую тыкву.

«Слышала, толстушка? Главное в жизни — это стабильность. И эль».

В последующие дни я заметила странность. Те тыквы, которым я «рассказывала» анекдоты, издавали тихий, щекочущий звук, когда их трогаешь. Словно внутри кто-то тихонько хихикал. Я поняла, что «зарядила» их чистым, концентрированным весельем.

«Элара», — серьезно сказала я своей подруге, — «что бы ни случилось, проследи, чтобы эти три тыквы никто не трогал».

Она пообещала, но недооценила амбиции некоторых придворных слуг.

На королевской кухне царил ад. Мсье Гюстав, тучный, усатый и обычно невозмутимый шеф-повар, метался по своему царству, как раненый бык, размахивая половником. Го-

товился обед для Малого Королевского Совета — самого важного и самого скучного мероприятия в дворцовом календаре. И, как на грех, тыквы, доставленные из герцогства, оказались подгнившими. Фирменный крем-суп мсье Гюстава, которым он особенно гордился, был под угрозой срыва.

Его молодой помощник, тощий и честолюбивый юноша по имени Пьер, увидел в этом свой шанс. Он слышал легенды о волшебных овощах, что растут в саду у «сумасшедшей леди». Проявить инициативу, спасти положение, получить похвалу от самого короля... План был идеален.

Он прокрался в мой сад, как лис в курятник. Увидев идеальные, глянцевые, пышущие здоровьем тыквы, он потерял голову.

Он не слышал моих предупреждений, которые Элара пыталась донести до всего кухонного персонала. Он выбрал самую большую, самую красивую и, конечно же, самую «заряженную» тыкву и, прижимая ее к груди, как сокровище, унес на кухню.

Мсье Гюстав был спасен. Он плакал от счастья, обнимая тыкву. Аромат от нее исходил божественный. Он с воодушевлением принялся за свой шедевр, даже не заметив, что, когда он, пробуя бульон, удовлетворенно хмыкнул, суп в огромном медном котле тихонько хихикнул в ответ.

Зал Малого Совета был местом, где умирала радость. Тя-

желые гобелены глушили звуки, высокий потолок давил, а воздух был пропитан запахом старого пергамента и еще более старых обид.

Король Теодред сидел во главе стола с каменным лицом. Рядом с ним — Дравен, чье красивое лицо было искажено привычной маской раздражения. По бокам расположились столпы королевства: суровый, как зима, министр финансов лорд Ворфилд, чье лицо, казалось, состояло из одних углов; генерал Торвин, старый вояка с громовым голосом; и еще несколько лордов, чьи лица были одинаково постными и важными. Они жарко спорили о повышении налогов на зерно.

В разгар дебатов в зал внесли обед. Главным блюдом был золотистый, бархатистый крем-суп, поданный в серебряных супницах. Аромат был настолько хорош, что даже лорд Ворфилд перестал хмуриться. Все с удовольствием принялись за еду.

Первая искра вспыхнула, когда один из лордов, пытаясь разрядить обстановку, рассказал невероятно скучный анекдот про огра и эльфа. Никто даже не улыбнулся. Но вдруг лорд Ворфилд, который как раз зачерпнул полную ложку супа, издал странный, сдавленный звук, похожий на скрип несмазанной телеги: «Кхе-хе-хе».

Все за столом уставились на него. Министр финансов, который не смеялся с момента своего рождения, побагровел. Он прикрыл рот салфеткой, пробормотав извинения, и сам

с ужасом посмотрел на свою ложку.

Король, нахмурившись, продолжил свою речь. Дравен, думая о чем-то своем, криво усмехнулся. И тут же несколько советников, которые в этот момент ели суп, начали хихикать. Сначала тихо, исподтишка. Потом все громче, неудержимее. Они пытались сдержаться, но их плечи тряслись, а из глаз текли слезы.

Заседание стремительно превращалось в балаган.

«И... хи-хи... дефицит казны... хо-хо-хо... составляет... БУ-ГА-ГА!» — икал лорд Ворфилд, пытаясь зачитать свой доклад и стуча кулаком по столу, чтобы унять смех.

Генерал Торвин, откинув голову, ржал, как полковой жеребец, и его громовой хохот сотрясал стены. Дравен, который тоже успел попробовать суп, смотрел на этот цирк с изумлением, но его собственные губы против воли растягивались в идиотской улыбке. Он боролся с ней, и от этого его лицо приобретало самое комичное выражение.

Король Теодред, единственный, кто не притронулся к супу, сидел с лицом, высеченным из гранита. Его брови сошлись на переносице, образуя грозовую тучу. Заседание было сорвано.

Разъяренный король потребовал немедленного расследования. След, пропитанный ароматом тыквы, быстро привел на кухню, к трясущемуся Пьеру, который тут же во всем сознался.

За мной снова послали гвардейца. Но на этот раз молодой

воин, тот самый, что видел меня в саду, смотрел на меня не с презрением, а с плохо скрываемым ужасом и... толикой восхищения.

Я предстала перед королем в том же Тронном зале, но на этот раз обстановка была камерной. Кроме монарха, в зале были только Дравен, который все еще с трудом подавлял нервные смешки, и генерал Торвин, который при моем появлении едва заметно мне подмигнул.

«Леди Серена», — голос короля был подобен скрежету ледников. — «У вас есть объяснение тому, что произошло на совете?»

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

«Боюсь, что да, Ваше Величество», — сказала я, стараясь говорить как можно серьезнее. — «Похоже, один из моих... экспериментальных образцов попал не в те руки. Я называю этот сорт «Хохотун». Он очень чувствителен к юмору и, по всей видимости, обладает накопительным эффектом».

«Ты отравила Малый Совет!» — прошипел Дравен, его лицо было искажено борьбой с весельем и гневом.

«Чепуха!» — рывкнул генерал Торвин, и его голос прогремел под сводами зала. — «Это был лучший совет за последние десять лет! Я впервые видел, как Ворфилд улыбается! Девчонка, да ты гений! Я бы тебе орден дал!»

Король метнул на генерала испепеляющий взгляд, но тот лишь пожал плечами. Теодред перевел свой тяжелый взгляд на меня. Он смотрел долго, изучающе, и я видела в его гла-

зах не только гнев, но и острый, аналитический интерес. Он видел не сумасшедшую, а человека с непонятной, но очевидной силой.

«Ваша... магия... необычна, леди», — наконец произнес он, тщательно подбирая слова. — «Я запрещаю вам поставлять ваши... урожаи на королевскую кухню без моего личного одобрения. Это приказ». Он сделал паузу, и в уголке его губ промелькнула тень усмешки. — «Однако... если вам удастся вырастить овощ, который заставит советников добровольно согласиться на повышение налогов, я, возможно, пересмотрю свое решение».

Я низко поклонилась, пряча улыбку. Я уходила из Тронного зала не как изгнанница, а как загадка. Я понимала, что только что меня повысили. Из «бедной, брошенной леди» я превратилась в «ту самую леди с волшебным огородом».

И это была гораздо, гораздо более сильная позиция.

Глава 6. Призрак Любви

Сумерки опускались на Солару мягким, фиолетовым покрывалом, принося с собой долгожданную прохладу. Это было мое любимое время. Дворец внизу, с его интригами и фальшивыми улыбками, растворялся в тени, а мой сад, наоборот, просыпался.

Я сидела на краю каменной кадки, вытирая руки о передник. Вокруг меня творилось тихое волшебство. «Солнечные перцы», которые я высадила вдоль дорожек, начали наливаться мягким, янтарным светом. Они не горели ярко, как фонари, а мерцали, словно сотни маленьких светлячков, запутавшихся в листве. Воздух был густым от аромата ночных фиалок и влажной земли.

Я посмотрела на розовый куст — моего первенца. Он больше не был жалким инвалидом. Его ветви налились силой, шипы стали твердыми и острыми, а на самой верхушке, словно корона, покачивался первый, тугой бутон нежно-кремового цвета с золотистой каймой. Я провела пальцем по бархатистому лепестку, чувствуя странную гордость. Я создала жизнь там, где все предрекали смерть.

После инцидента с «хохочущим супом» на меня перестали смотреть как на прокаженную. Теперь во взглядах придворных читалась опаска, смешанная с любопытством. Меня это устраивало. Страх — отличный забор для моего ма-

ленького королевства.

Я расслабилась, позволив себе на мгновение закрыть глаза и просто дышать. Мне казалось, я наконец-то обрела почву под ногами.

Тяжелые, быстрые шаги по каменным плитам разрушили тишину, как камень, брошенный в зеркало пруда.

Я резко обернулась, сердце пропустило удар. На входе в сад стоял Дравен.

Он был один. Ни гвардейцев, ни пажей, ни вездесущей Ливии. Это само по себе было нарушением всех протоколов. Но еще больше пугал его вид. Безупречный наследный принц выглядел так, словно провел неделю в седле без сна. Ворот его камзола был расстегнут, открывая напряженные сухожилия на шее, рукава небрежно закатаны, а золотые волосы, обычно уложенные волосок к волоску, растрепаны ветром.

Но страшнее всего были его глаза. В них не было того ледяного высокомерия, к которому я привыкла. В них плескалась темная, мутная буря. Он смотрел на меня так, словно я была водой в пустыне, и одновременно — ядом, который он поклялся не пить.

«Отец подписал указ», — его голос был хриплым, словно сорванным.

Он резким движением выхватил из-за пояса свиток с королевской печатью и швырнул его мне. Пергамент ударился о мою грудь и упал на траву. Я не шелохнулась.

«Сад официально закреплен за тобой», — продолжил он, делая шаг вперед. Его ноздри раздувались, он жадно втягивал воздух, пропитанный запахом моих цветов... и меня. — «Никакой арендной платы. Но ты обязана поставлять лечебные травы в лазарет. Раз в неделю. Лично».

Я медленно наклонилась, подняла свиток и отряхнула его, не сводя с принца настороженного взгляда.

«Для работы курьером у вас слишком высокий титул, Ваше Высочество», — холодно заметила я. — «Любой паж справился бы с этой задачей».

«Не обольщайся», — огрызнулся он, и на мгновение в его голосе прорезалась привычная злость, но она звучала фальшиво, как треснутая нота. — «Я пришел убедиться, что ты не выращиваешь здесь яд для переворота. После твоей выходки с супом от тебя можно ждать чего угодно».

«Я выращиваю овощи, Дравен. А яд вы прекрасно генерируете сами, без моей помощи».

Мои слова подействовали на него как удар хлыста. Он сократил дистанцию между нами в два широких шага. Я инстинктивно отступила, но спина уперлась в деревянную решетку перголы, увитую плющом. Бежать было некуда.

Он навис надо мной, огромный, излучающий жар, как раскаленная печь. Вблизи я видела, как расширены его зрачки, почти поглотившие изумрудную радужку. От него пахло не вином и не духами Ливии, а озоном и грозой — запахом разъяренного дракона.

«Ты думаешь, ты умная?» — прошипел он, опираясь руками о решетку по обе стороны от моей головы, запирая меня в клетку из собственного тела. — «Думаешь, рассмешила совет и теперь неуязвима? Ты все та же пустышка, Серена. Деревенщина, которой случайно досталось красивое личико».

Я хотела ответить ему колкостью, хотела оттолкнуть, ударить, но тело... тело предало меня.

Это было не мое желание. Это была память крови Серены, въевшаяся в каждую клетку, в каждый нерв. Как только я почувствовала его близость, его жар, колени предательски ослабели. Внизу живота скрутился тугой, горячий узел. Мое сердце, которое должно было сжаться от страха, забилось в бешеном ритме, подстраиваясь под его пульс.

Это была не любовь. Это была магия истинной пары — древний, биологический механизм, который не могли заглушить никакие обиды. Мое тело узнало его. Мое тело хотело его.

«Отойди», — выдохнула я, но голос прозвучал жалко, почти как стон.

Дравен не отошел. Наоборот, он наклонился еще ближе. Его взгляд метался по моему лицу, задерживаясь на губах. Я видела, как его трясет.

В его глазах на секунду исчезла мутная пелена. Лед треснул, обнажая бездонную, растерянную боль.

«Почему?...» — прошептал он, и его дыхание обожгло мне

скулу. — «Почему от тебя так пахнет? Почему этот запах... он сводит меня с ума. Ты должна пахнуть гнилью. Предательством. А ты пахнешь... домом».

Он уткнулся носом в изгиб моей шеи, вдыхая мой запах с пугающей жадностью. Его рука, жесткая и горячая, скользнула по моей талии, прижимая к себе.

Я замерла, парализованная этой дикой смесью страха и возбуждения. Разум Лины кричал: «Это маньяк! Это предатель! Оттолкни его!» Но тело Серены плавилось в его руках, вспоминая каждую ночь, проведенную с ним. Я чувствовала, как моя воля рассыпается в прах. Мои веки отяжелели, голова запрокинулась, открывая ему доступ к шее.

«Дравен...» — прошептала я, сама не зная, мольба это или приглашение.

Он поднял голову. Наши лица оказались в миллиметре друг от друга. Я видела капельки пота на его лбу, видела муку в его глазах. Он больше не был принцем. Он был зверем, разрываемым на части. Он наклонился, чтобы поцеловать меня — грубо, отчаянно, чтобы заглушить эту боль...

Резкий, пронзительный свист разрезал воздух, словно удар бича.

Мощная волна ветра ударила нас, заставив Дравена отшатнуться и закрыть лицо рукой. Плющ на перголе зашумел, кадки с цветами опрокинулись. Огромная тень накрыла сад.

На широкий каменный парапет, с грохотом царапая когтями камень, приземлилась виверна. Она расправила кожи-

стые крылья, закрывая собой половину неба, и издала угрожающий клекот.

С ее спины, не дожидаясь полной остановки зверя, спрыгнул Арион.

Он приземлился мягко, на полусогнутые ноги, и тут же выпрямился. В сумерках его фигура в кожаной летной броне казалась вылитой из бронзы. Но его лицо... Обычно открытое и улыбчивое, сейчас оно было жестким, как камень. Карие глаза потемнели, превратившись в два черных дула, нацеленных на принца.

«Ваше Высочество», — голос Ариона был ледяным, спокойным, но в нем звенела сталь. — «Не знал, что королевский этикет теперь позволяет зажимать леди в углах без их согласия».

Дравен, тяжело дыша, выпрямился. Маска ярости и высокомерия вернулась на его лицо мгновенно, словно он захлопнул забрало шлема, пряча свою слабость.

«Капитан», — процедил он, одергивая камзол. — «Ты забываешься. Я разговариваю со своей подданной. И это разговор не для ушей простолюдина».

Арион не отступил. Он сделал шаг вперед, встав так, чтобы перекрыть Дравену путь ко мне.

«Она выглядит так, будто разговор окончен», — парировал он. — «А с высоты это выглядело не как беседа, а как нападение».

Воздух между ними заискрил. Это было не просто столк-

новение по службе. Это была древняя, примитивная сцена: два самца на одной территории. Дракон и человек. Магия и сталь. Дравен сжал кулаки, и я увидела, как по его костяшкам пробежали золотые искры — его внутренний зверь был готов вырваться наружу.

Но Дравен был не глуп. Драка с капитаном спортивной команды на глазах у всего дворца, да еще и в саду «бывшей», стала бы катастрофой. Он сделал глубокий вдох, загоня зверя обратно.

«Что ж», — он криво усмехнулся, оглядывая нас обоих с выражением глубочайшего презрения. — «Наслаждайтесь обществом друг друга. Вы идеально подходите. Грязь к грязи. Конюх и огородница».

Он развернулся на каблуках и пошел к выходу, чеканя шаг. Но у самой двери он замер. Он оглянулся через плечо. И на одну секунду, всего на мгновение, маска снова сползла. Он посмотрел на меня не с ненавистью, а с тем же пугающим, мучительным сомнением, что и раньше. Словно он сам не понимал, что только что произошло.

Дверь захлопнулась.

Как только он ушел, меня начало трясти. Адреналин схлынул, оставив после себя тошноту и стыд. Я сползла по решетке перголы, обхватив себя руками. Мне было противно от того, как мое тело отреагировало на него. Как я почти поддалась.

Арион не стал задавать глупых вопросов вроде «ты в по-

рядке?». Он видел, что я не в порядке. Он подошел, снял свой тяжелый, подбитый мехом плащ и накинул мне на плечи. Он пах ветром, кожей и надежностью — запахом, который не дурманил, а отрезвлял.

«Он больше не тронет тебя», — тихо сказал он. Это было не обещание, это был факт. — «Я поставлю парней из своей команды дежурить у входа. Пусть попробует пройти через них».

Я подняла на него глаза, пытаюсь унять дрожь.

«Спасибо», — прошептала я.

Я посмотрела на закрытую дверь, за которой скрылся Дравен. Мой разум прояснился. То, что сейчас произошло... эта смесь ненависти и животной тяги, эти слова о запахе, эти искры в его глазах. Это было ненормально. Человек, который разлюбил, так себя не ведет. Человек, который ненавидит, не вдыхает твой запах, как наркотик.

Это была магия. Грязная, сломанная магия.

«Дравен болен», — пронеслось у меня в голове. — «И Ливия как-то с этим связана. Он марионетка, дергающаяся на нитках, а его дракон пытается эти нитки порвать».

Я поняла, что больше не могу прятаться за грядками с морковью. Моя безопасность зависела не от высоты забора, а от правды.

Мне нужен был дневник Серены. Весь. А не только те страницы, которые я уже видела. Мне нужно было знать, что именно происходило в те недели перед тем, как метка погас-

ла.

Я плотнее закуталась в плащ Ариона. Время сажать цветы закончилось. Пришло время выкапывать скелеты.

Глава 7. Дневник в Переплете из Лозы

Утро встретило меня не пением птиц, а лязгом стали. У входа в мой сад, скрестив руки на груди, стояли двое парней из команды Ариона. Они напоминали молодых дубков — крепкие, широкоплечие, в кожаной броне с эмблемой крылатого копья.

— Приказ капитана, леди, — один из них, с щербинкой между зубами, виновато улыбнулся, когда я попыталась возразить. — Никто не войдет и не выйдет без вашего разрешения. Даже если у этого «кого-то» корона на голове.

Забота Ариона грела лучше, чем утреннее солнце, но она же служила напоминанием: игры закончились. Вчерашняя сцена с Дравеном, искры магии и похоти, столкновение самцов — все это сдвинуло пласты реальности. Я больше не могла притворяться эксцентричной садовницей. Я была мишенью.

— Нам нужен план, — сказала я Эларе, когда та принесла завтрак. Мы устроились в тени разросшегося хмеля, подальше от ушей стражи.

— План для чего? — Элара с опаской покосилась на грядку с тыквами, которые, казалось, прислушивались к разговору.

— Для шпионажа. Мне нужен дневник Серены. Тот, настоящий, который она прятала, а не тот, что лежал на прикроватном столике для отвода глаз.

— Ох, леди Лина... — Элара побледнела, и ее веснушки стали еще заметнее. — Вы про тайник за камином? Я помню, она мне показывала. Но это невозможно.

— Почему?

— Старые покои Леди Серены опечатаны с сегодняшнего утра. Там уже ломают стены. Ливия приказала объединить их с покоями принца, чтобы сделать огромную гардеробную. Там стража у дверей, внутри рабочие, пыль столбом. А ночью все запирают на магический замок. Мышь не проскочит.

Я закусила губу, глядя на высокие стены дворца, возвышающиеся над садом. Окна бывшей спальни Серены выходили во внутренний двор-колодец, прямо напротив заброшенной галереи.

— Мышь, может, и не проскочит, — медленно проговорила я, прослеживая взглядом путь дикого плюща, карабкающегося по кладке. — А вот то, что не имеет костей и дышит углекислым газом... вполне. Мне не нужно быть там физически, Элара. Мне просто нужны очень длинные зеленые руки.

Весь день я посвятила селекции. Мои любимые розы и полезная морковь тут негодились. Мне нужно было что-то наглое, быстрое и беспринципное. Я нашла его в дальнем углу, у водостока — дикий выюнок. Сорняк, который я безуспешно

пыталась вывести две недели. Он цеплялся за жизнь с фанатичным упорством, его корни уходили, казалось, в само ядро планеты.

Я выкопала его, не без труда отделив от камней, и пересаживала в переносной глиняный горшок.

— Ну что, приятель, — прошептала я, снимая перчатки. — Твоя настырность наконец-то послужит благому делу.

Я положила руки на землю. На этот раз я не вспоминала тепло солнца или бабушкины песни. Я закрыла глаза и вызвала в себе другие чувства. Любопытство — то самое, жгучее, что заставляет подслушивать под дверь. Хитрость. Желание проникнуть туда, куда не звали. Я представляла, как вода течет сквозь щели, как змея скользит в траве.

Земля под пальцами не потеплела, как обычно. Она завибрировала мелкой, нервной дрожью.

— Леди Лина! — вскрикнула Элара.

Я открыла глаза. Тонкий зеленый усик выюнка, еще минуту назад безвольно висевший, теперь стоял торчком, как кобра перед броском. Он медленно поворачивался из стороны в сторону, словно у него были невидимые глаза.

— Хороший мальчик, — прошептала я, концентрируясь на управлении. — А теперь... схвати!

Выюнок метнулся вперед с пугающей скоростью. Он обвил лодыжку Элара и дернул. Девушка взвизгнула, едва удержав равновесие.

— Прости! — я тут же разорвала ментальный контакт, и

растение обмякло. — Я еще не совсем привыкла к управлению... агрессивными видами.

Элара, отцепляя цепкий стебель от своего чулка, посмотрела на меня с уважением пополам с ужасом.

— Надеюсь, он не решит меня задушить ночью, — пробормотала она. — У него хватка как у ростовщика.

— Это именно то, что нам нужно.

Ночь была безлунной, словно сама природа решила подыграть нашему маленькому преступлению. Мы с Эларой, закутанные в темные плащи, пробрались на балкон заброшенной галереи. Воздух был холодным и сырым. Прямо напротив нас, метрах в десяти через черную пропасть двора-колодца, темнели окна бывшей спальни Серены.

— Если нас поймают, — прошептала Элара, стуча зубами, — меня отправят чистить конюшни виверн до конца дней. А вас...

— А меня объявят ведьмой и сожгут, — закончила я, ставя горшок с выюнком на широкие каменные перила. — Так что давай не будем попадаться.

Я положила ладони на землю в горшке и закрыла глаза. Мир вокруг исчез. Осталась только пульсация жизни внутри стебля. Я стала растением.

Расти. Тянись. Ищи опору.

Я дала команду, и выюнок выстрелил в темноту. Я не видела его, но чувствовала. Я ощущала пустоту под собой — головокружительный провал двора. Ветер трепал мои листья,

пытаясь сбить с курса.

Вперед. Дальше. Камень.

Удар. Я почувствовала шершавую, холодную кладку стены напротив. Усики-присоски мгновенно вцепились в неровности камня. Есть контакт. Теперь вверх. К подоконнику.

Это было странное, раздвоенное чувство. Мое тело стояло на балконе, по лбу катился пот от напряжения, но мое сознание ползло по вертикальной стене, ощупывая каждый сантиметр.

Вот оно. Стекло. Рама.

Тоньше. Просочись.

Я заставила стебель сплющиться, стать тонким, как лист бумаги. Он скользнул в щель между рамами. Внутри было душно и пахло извешткой — запах ремонта. Теперь самое сложное. Щеколда. Я направила поток энергии в кончик стебля, заставив его отвердеть, превратиться в живой крюк. Надавить. Повернуть.

Щелк.

Звук в ночной тишине показался оглушительным. Рама поддалась.

Внутрь.

Я «вползла» в комнату. Теперь я ориентировалась по памяти Серены, которая всплывала в голове яркими картинками. Камин справа. Высокий, облицованный серым гранитом.

Вьюнок, как зеленая змея, скользил по полу, огибая стро-

ительные леса и мешки с цементом. Вот он. Холод камня. Третий кирпич снизу, с левой стороны. Я ощупала кладку. Вот она, едва заметная щель. Усики проникли внутрь, нащупали рычажок. Нажать.

Камень с тихим скрежетом подался вперед.

Есть!

Внутри тайника лежало что-то мягкое и шершавое. Кожа. Я обвила книгу множеством петель, создавая кокон. Теперь — назад.

Обратный путь был адом. Книга была тяжелой. Выюнок натянулся, как струна. Я чувствовала, как рвутся волокна растения от напряжения. Ветер усилился, раскачивая мой зеленый мост. В какой-то момент книга выскользнула, и мое сердце пропустило удар, но я успела перехватить ее другим отростком.

— Давай же, милый, еще немного, — шептала я вслух, дрожа от усилий.

Последний рывок. Книга перелетела через перила балкона и шлепнулась к моим ногам. В ту же секунду выюнок, отдавший всю свою жизненную силу, почернел, ссохся и осыпался мертвой трухой.

Я рухнула на колени, тяжело дыша, и схватила добычу. Это был небольшой томик в потертom кожаном переплете.

— Получилось! — выдохнула Элара.

— Уходим, — хрипло бросила я. — Быстро.

Мы вернулись в сад, заперев дверь на все засовы. Зажгли

фонарь. Мои руки дрожали, когда я открывала дневник.

Первые страницы были мучительны для чтения. Почерк Серены был округлым, летящим. Она писала о балах, о том, как Дравен улыбнулся ей, какие цветы он любил. Это была хроника наивной, чистой любви, и мне было больно это читать, потому что я знала, чем все закончится. Я чувствовала себя вуайеристом на чужих похоронах.

Но ближе к концу тон изменился. Почерк стал дерганным, острым. Чернильные кляксы говорили о дрожащих руках.

«15-й день месяца Гроз. Дравен снова кричал на меня. Без причины. У него болит голова, он говорит, что мои прикосновения обжигают. Что со мной не так?»

Я листала дальше, ища зацепку. И нашла. Запись за десять дней до того, как погасла метка.

«Ливия снова заходила. Она так добра ко мне, хотя я вижу, как она смотрит на Дравена. Она принесла ему редкое «Сладкое Вино» из погребов Малакора. Сказала, это древний рецепт их семьи, чтобы успокоить нервы и снять головную боль. Она настаивала, чтобы он пил бокал каждый вечер перед сном, и сама наливала ему. Странно, но после этого вина он становится совсем чужим... Стеклянным. Вчера он даже не вспомнил, что мы договаривались о прогулке у озера. От вина пахнет приторно, густо, как перезрелая вишня, забытая на солнце...»

Я захлопнула дневник. Пазл сложился с тошнотворной четкостью.

— Сладкое вино, — прошептала я. — Перезрелая вишня.

— Что? — переспросила Элара.

— Это не просто вино. Это носитель. Ливия не просто увела его. Она его травила. Методично, каждый вечер, под видом заботы.

Я посмотрела на темные окна дворца, где где-то там спала (или не спала) Ливия Малакор. Теперь это были не догадки. У меня в руках было доказательство. И я знала запах врага.

— Вишня, — повторила я, и в моем голосе зазвенел холод. — Что ж, Ливия. Посмотрим, понравится ли тебе вкус собственных плодов.

Глава 8. Ядовитый Чай

Письмо доставил лакей в ливрее цветов дома Малакор — пурпурном с серебром. Он держал конверт двумя пальцами, словно тот был заразным, и смотрел на мои грядки с выражением брезгливого ужаса, какое бывает у аристократов при виде навоза.

— Для леди... э-э-э... Серены, — выдавил он, протягивая послание.

Бумага была плотной, кремовой, надушенной так сильно, что запах фиалок перебил даже аромат моего розмарина. Почерк Ливии был под стать ей самой: острый, вычурный, с множеством ненужных завитков, каждый из которых кричал о самолюбовании.

«Дорогая Серена!

Сердце мое обливается кровью при мысли о том холоде, что пролег между нами. Приглашаю тебя на чаепитие в мои покои сегодня в полдень. Давай оставим обиды в прошлом и поговорим как цивилизованные женщины. В конце концов, нам делить нечего — судьба уже все решила».

— Это ловушка, — безапелляционно заявила Элара, читая письмо через мое плечо. — Такая явная, что даже капкан постеснялся бы так выглядеть. Она подсыпет вам яд в чай. Или в пирожные. Или просто задушит подушкой, пока

вы отвлечетесь.

— Конечно, это ловушка, — согласилась я, вертя конверт в руках. — Ливия не знает значения слова «примирение». Для нее это синоним слова «капитуляция».

— Тогда мы не пойдем? — с надеждой спросила служанка.

— Наоборот. Мы обязательно пойдем. Отказаться — значит показать страх. А страх в этом дворце чувствуют лучше, чем кровь. К тому же, мне нужно увидеть ее вблизи. Посмотреть в глаза той, кто травит принца вишневым вином.

Я аккуратно сложила письмо.

— Но с пустыми руками в гости не ходят. Нам нужно испечь угощение, Элара.

— Угощение? Для змеи?

— О, поверь мне, этот десерт ей запомнится.

Мы направились в дальний угол сада, туда, где в тени разросшегося крыжовника я проводила свои самые деликатные эксперименты. Там, укрытый от прямых солнечных лучей, рос небольшой куст. Его листья были темно-синими, а ягоды напоминали ежевику, только с перламутровым, бензиновым отливом. Они слегка вибрировали, если поднести к ним руку.

Я называла этот сорт «Искренняя Смородина», хотя Арион, однажды увидев эффект на случайно съевшей ягоду птице, предложил название «Ягоды Болтливости». Та без умолку горланила до утра.

— Они не ядовиты? — с опаской спросила Элара, держа корзинку.

— Вовсе нет. Они очень полезны для пищеварения. Но у них есть побочный эффект: они полностью отключают связь между мозгом и языком. Внутренний фильтр исчезает. Человек начинает озвучивать каждую мысль, которая приходит ему в голову. Абсолютно каждую.

Я осторожно, пинцетом, сорвала три самые спелые, налитые соком ягоды.

— Ливия хочет сладких речей и светской беседы? Она их получит. Только пусть не подавится.

Приготовления заняли час. Мы испекли дюжину изящных песочных тарталеток с ванильным кремом. Девять из них были украшены обычной малиной. Три — «Искренней Смородиной», которую я замаскировала сахарной пудрой и листиком мяты.

Я выбрала для визита свое лучшее платье — не из гардероба Серены, а из тех, что сшила сама с помощью Элара. Простое, темно-зеленое, цвета мха, оно идеально сидело по фигуре, не стесняя движений. Я не собиралась соревноваться с Ливией в роскоши. Я шла туда не как соперница, а как инквизитор.

Покои Ливии располагались в Восточном крыле, смежном с апартаментами принца. Даже коридор здесь кричал о власти и деньгах. Гобелены были новыми, ковры — пушистыми настолько, что в них утопала нога.

Стража у дверей расступилась, едва я назвала имя.

Я шагнула внутрь, и меня тут же накрыло волной удушливой роскоши. Комната была похожа на будуар дорогой куртизанки: пурпурный бархат, позолота, множество зеркал. Окна были плотно закрыты, из-за чего в помещении стояла банная духота.

Но главным был запах.

Он ударил мне в нос, едва я переступила порог, заставив желудок сжаться. Тяжелые, мускусные духи Ливии смешивались с густым, приторным ароматом перезревшей вишни. Тот самый запах. Запах «Сладкого Вина» из дневника Серены. Он пропитал здесь все — шторы, обивку мебели, сам воздух. Здесь был эпицентр яда.

Ливия сидела в глубоком кресле с высокой спинкой, похожем на трон. Она была безупречна в платье цвета аметиста, расшитом серебряными нитями. Ее черные волосы лежали идеальной волной, а на губах играла снисходительная улыбка хозяйки положения.

— Дорогая Серена! — пропела она, не делая попытки встать. — Как мило, что ты выбралась из своего... огорода. Надеюсь, ты почистила туфли? Не хотелось бы испортить этот ковер, он стоит дороже, чем все твоё поместье в Солнечных Холмах, от которого ты так глупо отказалась.

— Я вытерла ноги, Ливия, — спокойно ответила я, проходя вглубь комнаты и ставя коробочку с десертом на низкий столик. — Благодарю за заботу о чистоте.

— Присаживайся, — она небрежно махнула рукой на пуф, который был значительно ниже ее кресла. Классический прием доминирования. Я села, держа спину прямой, как струна.

Ливия сама разлила чай из изящного фарфорового чайника. Жидкость была темной и пахла гибискусом. Я взяла чашку, но даже не подумала подносить ее к губам.

— Я так рада, что мы можем поговорить как взрослые женщины, — продолжила Ливия, ее голос сочился фальшивым медом. — Я понимаю, тебе больно. Потерять принца, потерять статус... Это тяжело. Но ты должна понять: магия истинных не ошибается. Дравен и я — мы предназначены друг другу звездами.

— Разумеется, — кивнула я. — Звездами и, возможно, немного винными погребями Малакора.

Ее глаза сузились на долю секунды, но улыбка не дрогнула.

— Ты принесла угощение? Как трогательно. Деревенские дары?

— Самый свежий урожай, — я открыла коробочку. Тарталетки выглядели произведением искусства. — Это особый сорт ягод. Говорят, они чудесно влияют на цвет лица... и ясность ума. Помогают избавиться от тяжести невысказанных слов.

Ливия, падкая на лесть и абсолютно уверенная в своей неуязвимости в этих стенах, протянула руку с идеальным ма-

никюром.

— Что ж, попробуем твою стряпню.

Мое сердце замерло. Она взяла тарталетку. Ту самую. С листиком мяты.

Она откусила половину, изящно прожевала и глотнула чая. Я взяла обычную тарталетку с малиной, чтобы не вызывать подозрений, и тоже откусила кусочек.

Секунды тянулись, как густая патока. Ливия доела пирожное, вытерла губы салфеткой и открыла рот, чтобы произнести очередную колкость.

— Знаешь, Серена, я хотела сказать, что мне тебя жаль, но... — ее лицо вдруг странно дернулось. Левый глаз затиковал. — ...но на самом деле мне плевать. Боги, какое уродливое у тебя платье. Это что, мешковина? Цвет детской неожиданности. Хотя на твоей плоской фигуре все смотрится как на вешалке.

Она замерла, ее глаза расширились. Она явно не собиралась произносить вторую часть фразы вслух.

— Я... кхм... чай превосходен, — попыталась исправить положение она, но магия ягод уже взломала шлюзы. — Хотя на самом деле это помои. Я приказала заварить самый дешевый сбор, все равно ты, деревенщина, не отличишь. А у меня от этого жасмина вечно пучит живот.

Ливия схватилась за горло обеими руками, пытаясь физически удержать слова, но они лились сквозь ее пальцы, как вода через дырявую плотину.

— Ливия? — я изобразила вежливое беспокойство. — Тебе нехорошо?

— Заткнись! — взвизгнула она. — Почему я не могу замолчать? Я ненавижу твой голос. Он такой спокойный, хочется ударить тебя подносом. И Дравен... О, Дравен тоже ненавидит твой голос. Или любил? Какая разница. Этот нытик!

Она вскочила с кресла, опрокинув чашку. Чай растекся темным пятном по «бесценному» ковру.

— «Ох, Ливия, у меня болит голова! Ох, Ливия, посиди со мной!» — передразнила она принца писклявым, плаксивым голосом, которого я никогда не слышала от Дравена. — Если бы не корона, я бы на него даже не плюнула. В постели он как бревно, когда напьется моего... моего особенного винтажа. Храпит и бормочет твоё имя, идиот! Приходится терпеть этот цирк каждую ночь!

Я сидела неподвижно, впитывая каждое слово. Это было лучше любого признания под пытками.

— А твой отец, герцог Малакор, одобряет такой союз? — тихо подбросила я дров в этот костер безумия.

— Папочка? — Ливия истерически рассмеялась, царапая себе шею. — Папочка гений! Старый дурак Теодред думает, что он управляет страной. Думает, он в безопасности. Ха! Скоро Малакоры покажут ему, где его место. В склепе! Рядом с его предками-ящерицами! Мы изменим законы... Мы...

Ее лицо побагровело. Она понимала, что говорит, но не могла остановиться. Ужас в ее глазах был животным.

— Мне нужно... мне нужно написать отцу! — вдруг выкрикнула она, метнувшись к письменному столу. — Зелье заканчивается! Поставки из Миража задерживаются! Этот проклятый алхимик требует больше золота за иллюзию! Если Дравен протрезвеет до Слета, он нас всех сожжет! Я не хочу гореть! Я хочу корону!

Она схватила тяжелую вазу и с силой швырнула ее в стену. Осколки брызнули во все стороны.

— Убирайся! — заорала она, поворачиваясь ко мне. Слюна брызгала с ее губ. — Почему ты смотришь на меня?! У тебя глаза как у дохлой рыбы! Вон! Вон из моих покоев! И забери свои проклятые пирожные!

Она метнулась ко мне, но я уже была на ногах. Я не стала ждать, пока ее истерика перейдет в физическое насилие.

— Благодарю за чай, Ливия, — холодно бросила я. — Беседа была... познавательной.

Я выскользнула за дверь как раз в тот момент, когда в коридор врезался серебряный поднос.

Оказавшись в коридоре, я прислонилась к стене и перевела дыхание. Из-за закрытой двери доносились звуки погрома и истеричные вопли Ливии, которая теперь, судя по звукам, отчитывала ковер за его ворсистость. Стражники переглядывались с тревогой, не решаясь войти.

Я пошла прочь, чувствуя, как дрожат колени. Мне не было

смешно. Это был фарс, но фарс смертельно опасный.

Ливия подтвердила все. Ненависть к Дравену. Планы на трон. Источник зелья — Мираж. И главное: время работает против них. Поставки задерживаются.

Я ускорила шаг. Мне нужно было найти Ариона и Элару. Игры кончились.

Глава 9. Тени Сгущаются

Утро выдалось серым, словно мир потерял все краски. Обычно в это время мой сад звенел от птичьего гомона и жужжания ранних пчел, но сегодня царила ватная, тревожная тишина. Густой, липкий туман, поднявшийся с реки, окутал дворцовые шпили, превратив их в призрачные иглы, пронзающие небо.

Я вышла на крыльцо, кутаясь в шаль. Мои растения чувствовали неладное. «Солнечные перцы» потускнели, свернув листья в защитные трубочки, а «Хохочущие Тыквы» молчали, словно набрали в рот воды. Даже воздух пах иначе — не влажной землей и цветами, а чем-то металлическим. Озоном. И страхом.

Дверь в сад распахнулась с таким грохотом, что я вздрогнула. На пороге стояла Элара.

От ее обычной жизнерадостности не осталось и следа. Ее лицо, обычно румяное, сейчас было цвета старой золы, веснушки казались темными пятнами на мертвенно-бледной коже. Руки ее тряслись так сильно, что она сжимала передник в кулак, пытаясь унять дрожь.

— Леди Лина... — выдохнула она, и ее голос сорвался на всхлип.

Я подбежала к ней, хватая за ледяные плечи.

— Что случилось? Ливия?

Элара замотала головой, не в силах вымолвить ни слова. Она глотала воздух, как рыба, выброшенная на берег. Наконец, она выдавила:

— Пьер. Помощник повара. Тот, что... с тыквой.

— Что с ним? Его уволили?

— Его нашли на рассвете. На заднем дворе кухни, у помойной ямы. — Элара зажмурилась, словно пытаясь стереть страшную картинку из памяти. — Они... они переломали ему пальцы, леди Лина. Все до единого. Сказали, что это наказание за воровство, чтобы он больше никогда ничего не мог взять.

Меня окатило ледяной волной. Пьер был всего лишь мальчишкой, глупым и амбициозным, но безобидным. Это была не справедливость. Это была казнь.

— Но это еще не все, — прошептала Элара, открывая глаза. В них плескался первобытный ужас. — На его фартуке... кровью и грязью нарисовали змею. Герб Малакора.

Я отпустила ее плечи и отступила назад, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

Змея.

Это не было наказанием для Пьера. Это было послание для меня. «Мы можем добраться до каждого, кто тебе помогает. Мы ломаем их, как сухие ветки. Ты следующая».

Я смотрела на свои руки — чистые, ухоженные руки садовницы. Я играла в «волшебный огород», смеялась над Ливией, упивалась своими маленькими победами. А в это вре-

мя настоящая, жестокая реальность дворца перемалывала кости невинных людей. Моя наивность стоила кому-то здоровья.

— Где он сейчас? — спросила я, и мой голос прозвучал чужим — жестким и холодным.

— В городском лазарете для бедных. Мсье Гюстав тайком дал денег на повозку.

— Я оплачу лучшее лечение, — твердо сказала я. — Найди лекаря, который умеет работать с магией костей. Пусть не скупятся. И, Элара... с этого момента ты не ходишь по дворцу одна. Ни днём, ни ночью.

— Я боюсь, леди, — она всхлипнула. — Если они сделали это с ним...

— Они пытаются нас запугать. И у них почти получилось, — я посмотрела в туман, туда, где скрывались окна Восточного крыла. — Но они совершили ошибку. Они показали, что боятся нас больше, чем мы их. Раз они прибегли к насилию, значит, их интриги рушатся.

К полудню туман рассеялся, но тяжесть в воздухе осталась. Арион появился в саду сразу после тренировки, еще не успев сменить кожаную летную броню. Он выглядел мрачнее грозовой тучи.

— Я слышал о мальчишке, — сказал он вместо приветствия, бросая шлем на скамью. — Мои люди проверили место. Работа профессионалов. Чисто, быстро, жестоко. По черк наемников «Черной Чешуи». Малакоры часто пользует-

ются их услугами для грязной работы.

— Ливия заперлась в своих покоях, — сообщила я, нервно теребя край рукава. — После вчерашнего «чаепития» она никого не принимает.

— Затишье перед бурей, — кивнул Арион. Он прошелся по дорожке, сканируя взглядом периметр сада, словно оценивая поле боя. — Она потеряла лицо перед тобой. Она болталась о планах. Теперь она загнана в угол, а крыса в углу бросается на шею.

Он остановился напротив меня и взял мои руки в свои. Его ладони были шершавыми, горячими и надежными.

— Завтра «Небесный Турнир», — сказал он, глядя мне прямо в глаза. — Самое крупное событие года перед Эмпирейским Слетом. Весь город будет на арене. Король, совет, Дравен... и Ливия.

— Ты думаешь, она что-то готовит?

— Я уверен в этом. Нападение на слугу — это отвлечение внимания. Или попытка выбить тебя из равновесия. Лина, я не хочу, чтобы ты оставалась здесь одна во время турнира. Дворец опустеет, охраны станет меньше.

— И что ты предлагаешь? Спрятаться в подвале?

— Нет, — в его глазах блеснула сталь. — Я предлагаю тебе быть у всех на виду. Я хочу, чтобы ты пошла на турнир со мной. Как моя гостья. Ты будешь сидеть в ложе моей команды, в окружении ветеранов и запасных пилотов. Там к тебе никто не посмеет подойти. Малакоры наглые, но они не

самоубийцы, чтобы нападать на глазах у тысяч зрителей.

Я хотела возразить. Мой сад был моей крепостью, единственным местом, где я контролировала ситуацию. Покинуть его казалось безумием.

Но потом я посмотрела на Ариона. На его тревогу, спрятанную за решимостью. Он боялся за меня. И он предлагал не просто защиту — он предлагал публично заявить о нашей связи. Прийти как гостя капитана — это вызов Дравену и всему двору.

— Это опасно, — тихо сказала я. — Для твоей репутации.

— К черту репутацию, — он сжал мои пальцы крепче. — Я хочу, чтобы ты была там. Не только ради безопасности. Я хочу... я хочу, чтобы ты видела, как я летаю. Для тебя.

Мое сердце пропустило удар. В этом простом признании было больше романтики, чем во всех серенадах, которые, должно быть, слышала Серена в прошлой жизни.

— Хорошо, — выдохнула я. — Я пойду.

Когда Арион ушел готовиться к матчу, а солнце начало клониться к закату, я осталась одна. Решение было принято, но тревога никуда не делась. Я уйду на турнир, но мой сад останется. Моя крепость будет пуста.

Я знала, что люди-стражники могут уснуть. Их можно подкупить, обмануть или, как бедного Пьера, вывести из строя. Мне нужны были часовые, которые не знают жалости и не берут взятки.

Я направилась к куче строительного мусора в углу, где

рабочие когда-то свалили остатки старой железной ограды. Ржавые прутья, гнутые гвозди, металлическая стружка. Я набрала полное ведро этого железа.

Затем я выбрала семена. Не нежные цветы и не полезные овощи. Я взяла дикий шиповник и черную ежевику — растения, чья природа изначально агрессивна и колюча.

Я начала сажать их вдоль парапета, по всему периметру крыши. Я выкапывала лунки, сыпала туда землю, смешанную с ржавчиной и железной стружкой, и опускала семена.

Сняв перчатки, я положила ладони на грунт.

Обычно моя магия была теплой, золотистой, похожей на солнечный свет. Но сегодня во мне не было тепла. Во мне кипела холодная, темная ярость из-за Пьера. Страх за Элару. Желание защитить свое любой ценой.

Я закрыла глаза и выпустила эти чувства наружу.

Растите, — приказала я, и мой мысленный голос был похож на скрежет металла. — Не для красоты. Не для плодов. Для войны. Пейте железо. Станьте железом.

Земля под руками содрогнулась. Это была не мягкая пульсация жизни, а резкий, болезненный спазм.

Из почвы, разрывая комья, полезли ростки. Они были неестественного цвета — темно-багровые, почти черные, с металлическим отливом. Они росли на глазах, сплетаясь в тугую, непроходимый клубок. Их стебли утолщались, становясь похожими на канаты, а шипы...

Я отдернула руки. Шипы были длиной с палец, изогнутые,

как рыболовные крючки, и твердые, как сталь. Они маслянисто блестели в свете заходящего солнца.

— Защищать, — прошептала я, вставая. Меня пошатывало от оттока сил. — Пропускать друзей. Убивать врагов.

Растения зашуршали в ответ, словно пробуя воздух. Живая колючая проволока, наделенная злобным интеллектом.

Эту ночь я не спала. Я сидела в темной комнате, глядя через открытую дверь в сад. Луны не было, но я слышала их. Мои новые стражи шевелились, ползали вдоль стен, тихо позвякивая шипами о камень. Звук был жутковатым, но успокаивающим.

Около трех часов ночи тишину разорвал звук.

Шорох. Глухой удар мягких подошв о камень. На парапет с соседней крыши упала тень. Кто-то гибкий, одетый в черное, пытался перемахнуть через стену, явно рассчитывая на эффект внезапности.

— Тихо, — прошептала я, не двигаясь с места.

Тень коснулась носком сапога парапета.

Реакция сада была мгновенной и ужасающей.

Раздался резкий свист, словно рассекли воздух кнутом. Темная масса у стены вздыбилась. Лианы метнулись вперед быстрее, чем глаз мог уследить. Они напоминали щупальца кракена, атакующего корабль.

— А-а-а! — сдавленный, полный боли вскрик захлебнулся в горле.

Раздался отвратительный звук разрываемой плоти и тка-

ни, скрежет металла о пряжку ремня. Тень дернулась, пытаюсь освободиться, но лианы лишь сильнее сжались. Человек в черном запаниковал, полоснул ножом по стеблям — слышался звон, словно клинок ударил о камень.

В следующую секунду неудачливый убийца, поняв, что столкнулся с чем-то запредельным, рванулся назад, жертвуя куском одежды и, вероятно, кожей. Он кубарем скатился обратно на соседнюю крышу. Слышался топот бегущих ног, удаляющийся в ночи.

Мои стражи медленно, с угрожающим шорохом, втянулись обратно в тень, принимая вид обычных, хоть и уродливых, зарослей.

Я вышла в сад и подошла к стене. На одном из шипов, длиной с кинжал, висел лоскут дорогой черной ткани. Под ним на камнях блестели темные капли свежей крови.

— Хорошие мальчики, — прошептала я, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Я создала монстров. Но в этом мире только монстры могут выжить.

Я посмотрела вдаль, где на горизонте темной громадой возвышался Колизей Небесного Турнира. Завтра я буду там. Вне этих стен. Без своих шипов.

И там, на открытом пространстве, начнется настоящая охота.

Глава 10. Небесный Турнир

Колизей Небесного Турнира гудел, как потревоженный улей, в который сунули факел. Тысячи глоток ревели в унисон, сотрясая каменные своды. Воздух здесь был плотным, почти осязаемым — смесь дешевого вина, жареного мяса, конского пота и адреналина. Это был запах народа, запах свободы, и он пьянил сильнее любого элитного алкоголя.

Я сидела не на бархатных подушках королевской ложи, где мне полагалось быть по праву рождения Серены, а на жесткой деревянной скамье в секторе команды «Штормовые Ястребы». Вокруг меня не было надушенных париков и фальшивых улыбок. Здесь пахло смазкой для сбруи и крепким табаком.

— Держитесь, леди Лина! — проревел мне в ухо Барлас, главный механик команды, огромный детина с руками, похожими на кувалды. — Сейчас начнется! Капитан сегодня зол как черт, он порвет этих «Грифонов» на лоскуты!

Я улыбнулась ему, поправляя живой цветок белой камелии в волосах — мое единственное украшение сегодня. На мне было простое платье цвета морской волны, которое не стесняло движений. Я чувствовала себя здесь, среди этих грубых, искренних людей, своим человеком. Они знали, кто я — «та леди, что кормит капитана волшебной морковкой» — и приняли меня без лишних вопросов.

Я подняла взгляд на Королевскую ложу, нависающую над ареной золотым балконом. Оттуда веяло холодом. Король Теодред сидел неподвижно, как статуя. Рядом с ним, нервно обмахиваясь веером, ерзала Ливия. Она выглядела бледной — последствия «откровенного чаепития» явно еще не прошли.

А по правую руку от короля сидел Дравен.

Даже с такого расстояния я чувствовала его взгляд. Он не смотрел на поле. Он смотрел на меня. Его пальцы впились в золоченые подлокотники трона, и я могла поклясться, что дерево трещит. Зелье «Туманного Сердца» заставляло его ненавидеть меня, но его драконья сущность, его инстинкты вопили от ревности. Он видел, как я смеюсь над шуткой Барласа, как механик по-дружески хлопает меня по плечу. И это сводило его с ума.

Смотри, Дравен, — мстительно подумала я. — Смотри, как я живу без тебя.

Взвыли трубы. Стадион взорвался криком.

В небо взмыли десять виверн.

«Небесное Копье» было безумным спортом. Это была смесь рыцарского турнира и воздушной акробатики на скоростях, от которых перехватывало дыхание. Задача была проста: захватить «Солнечную Сферу» — магический шар, хаотично летающий по арене, — и загнать его копьем в кольцо противника. Но на деле это был танец со смертью.

Арион вылетел последним. Его виверна, черный ящер по

кликче Шторм, была меньше остальных, но маневреннее. Сам Арион, в легкой кожаной броне, казался продолжением зверя. Пролетая мимо нашей трибуны, он сделал крутой вираж и салютовал копьем — не королю, не толпе, а мне.

Мое сердце заухало. Я видела, как в королевской ложе Дравен резко подался вперед, словно хотел прыгнуть вниз и разорвать соперника голыми руками.

Игра началась.

Это было великолепно и страшно. Виверны сшибались в воздухе, всадники демонстрировали чудеса эквилибристики. Арион был богом ветра. Он уходил от таранов, нырял под брюхо гигантских зверей противника, вел свою команду вперед. Счет был равным, напряжение росло с каждой минутой.

Но чем дольше длился матч, тем сильнее во мне росла тревога. Это было не волнение болельщика. Это было тошнотворное чувство неправильности, исходившее от земли и воздуха. Моя магия, моя связь с природой, была в набат.

Я заметила, что Шторм, виверна Ариона, ведет себя странно. Зверь дергал головой, словно ему что-то мешало, и скалился, но Арион, поглощенный азартом погони, удерживал его железной рукой.

— Финальный раунд! — взревел комментатор, чей голос был магически усилен. — Сфера уходит в зенит! Кто достанет ее?!

Золотой шар рванул вертикально вверх, к самым облакам. Арион направил Шторма в погоню. Это было почти верти-

кальное восхождение.

— Давай, кэп! — орал Барлас, сжимая кулаки.

Арион настигал сферу. Он вытянул руку с копьём, готовясь к удару. Виверна заложила крутой вираж на пике высоты, испытывая колоссальную перегрузку.

И тут раздался звук.

Он был тихим, сухим, как треск ломающейся ветки, но в моем сознании он прозвучал громче пушечного выстрела.

Щелк.

Подпруга седла Ариона не расстегнулась. Она лопнула. Ровно, чисто, словно кто-то заранее подрезал кожу, оставив держаться на честном слове.

Седло съехало набок.

Арион, вложивший всю инерцию в удар, потерял опору. Он попытался ухватиться за гриву зверя, но центробежная сила была безжалостна. Его пальцы соскользнули.

— АРИОН!!! — мой крик потонул в едином вздохе ужаса тысяч людей.

Он сорвался.

Он падал с высоты главной башни дворца. Маленькая фигурка на фоне ослепительного неба. Внизу был только утрамбованный, твердый как камень песок арены. Никакой магии, никакой страховки. Верная смерть.

Время растянулось, став вязким, как смола. Я видела его падение. Я видела, как Барлас закрыл лицо руками. Я видела лицо Ливии в бинокль — на нем не было ужаса, только

холодное, хищное ожидание. Она знала.

Я не думала. Я не принимала решений. Мною двигал чистый инстинкт.

Я перемахнула через ограждение ложи, приземлившись на узкий каменный выступ, нависающий над ареной. Подо мной была бездна.

— Расти! — заорала я, срывая с пояса мешочек с семенами, который носила с собой после нападения на Пьера.

Я швырнула горсть семян вниз, в пустоту, туда, где через секунду должно было разбиться тело Ариона.

Там был только мертвый песок. Там нечему было расти.

Но мне было плевать на законы природы.

Я выбросила руки вперед, и из моих ладоней вырвался не теплый свет, а ревущий поток зеленой энергии. Я отдала все. Весь свой страх, всю свою ярость, всю свою любовь к этому миру, который пытался меня сломать.

— ЛОВИ ЕГО!!!

Песок внизу взорвался.

Это не было похоже на рост цветов. Это было извержение вулкана жизни. Из сухой пыли, разрывая грунт, выстрелили гигантские, толщиной с корабельные канаты, стебли. Они росли с пугающей скоростью, свиваясь, переплетаясь, образуя в воздухе чудовищную зеленую паутину.

Гигантский хмель. Дикий виноград. Они сплелись в огромное, пружинящее гнездо в метре от земли.

Тело Ариона врезалось в зеленую массу.

Растения прогнулись до самой земли, затрещали, лопааясь от напряжения, амортизируя чудовищный удар... и выдержали. Они мягко спружинили, подбрасывая его, и аккуратно поймали снова, спеленав листьями, как младенца.

На стадионе повисла абсолютная, звенящая тишина. Слышно было только, как ветер свистит в снастях виверн.

Все взгляды были прикованы к центру арены, где посреди мертвого песка возвышался зеленый холм, которого секунду назад не было.

Арион пошевелился. Он закашлялся, выбираясь из путаницы лиан. Он был жив.

Он поднял голову и посмотрел вверх. Прямо на меня.

Я стояла на краю выступа, тяжело дыша. Мои руки все еще были протянуты вперед, и с кончиков пальцев срывались последние искры изумрудного света. Мое сердце кололось где-то в горле.

Я медленно перевела взгляд на королевскую ложу.

Король Теодред встал, его лицо было белым. Ливия сломала веер, сжимая обломки так, что побелели костяшки. А Дравен...

Дравен смотрел на меня с выражением абсолютного, первобытного шока. В его глазах смешались ужас и узнавание. Он видел магию. Он видел силу, которой у «пустышки Серены» быть не могло.

Тысячи человек молчали, глядя на меня.

Я выпрямилась, чувствуя, как ветер треплет мои волосы

и цветок камелии. Я больше не была садовницей. Я больше не была жертвой. Я была той, кто заставил пустыню цвести по одному своему слову.

И теперь они все это знали.

Глава 11. После Падения

Путь от арены до дворца превратился в размытое пятно из кричащих лиц, вспышек магии и запаха гари. Я помнила лишь тяжесть чужого страха и собственную ледяную решимость, которая сковала меня, не давая истерике прорваться наружу.

— Сюда. Быстрее, — я распахнула дверь в сад ногой, пропуская вперед Барласа.

Огромный механик нес Ариона на руках, словно тот был ребенком, а не взрослым мужчиной в боевой экипировке. Лицо Барласа было серым, покрытым копотью и пылью арены, а на виске пульсировала вздувшаяся вена.

— Леди, может, в лазарет? — прохрипел он, тяжело дыша.
— Там лекари, там зелья...

— Нет! — отрезала я, возможно, слишком резко. — Королевские лекари служат королю. И Ливии. Если они не доби́ли его на арене, то добьют микстурой «по ошибке». Никто не коснется его, кроме меня.

Барлас кивнул, принимая мою паранойю как приказ.

Мой сад встретил нас тревожным шелестом. «Шипастые Лианы» у входа, почуяв запах чужой крови и адреналина, хищно встопорщились, но, узнав меня и мою ношу, мягко раздвинулись, пропуская внутрь. Мы уложили Ариона на широкую плетеную кушетку под навесом из дикого виногра-

да. Здесь, в тени, воздух был прохладным и пах мятой.

Арион был в сознании, но его глаза были мутными от болевого шока. Он попытался приподняться, но тут же со стоном откинулся назад, скрипнув зубами.

— Лежи смирно, герой, — я положила руку ему на лоб. Кожа была горячей и влажной. — Барлас, спасибо. Теперь уходи. Встань у двери вместе с Эларой. Никого не впускать. Даже если сам король придет с горшком герани — гони его в шею.

Механик бросил на своего капитана последний тревожный взгляд и исчез.

Мы остались одни. Тишина сада обрушилась на меня, и только сейчас я заметила, как дрожат мои руки. Я сделала глубокий вдох, втягивая запах земли. Успокойся. Ты не на трибуне. Ты на своей территории.

— Ну и видок у тебя, Серена... — прохрипел Арион, пытаясь улыбнуться, но улыбка вышла кривой гримасой боли. — Будто ты дралась с лешим.

— Ты на себя посмотри, — буркнула я, доставая из поясной сумки маленький нож. — Придется резать.

Я аккуратно разрежала ремни его кожаной летной брони. Кожа, задубевшая от пота и времени, поддавалась с трудом. Когда я сняла нагрудник и разорвала пропитанную потом рубаху, у меня перехватило дыхание.

Вся правая сторона его грудной клетки и бок представляли собой сплошное, наливающееся чернотой месиво. Гема-

тома была чудовищной. Кожа была содрана там, где лианы поймали его в полете, оставив длинные, сочащиеся сукровицей ссадины.

— Ребра? — спросил он, глядя в небо сквозь листья винограда.

— Целы, — я осторожно прощупала кости. Он дернулся, и мышцы под моими пальцами стали каменными. — Мой «пружинящий гриб» сработал как надо. Но ушиб сильный. Внутренние органы могли пострадать.

Мне нужны были не просто травы. Мне нужна была квинтэссенция жизни.

Я подошла к грядке, где рос «Серебристый Подорожник» и алоэ. Обычные растения, но в этом саду ничто не было обычным. Я опустилась на колени и положила ладони на широкие, мясистые листья.

Проснитесь, — позвала я беззвучно. — Мне нужна ваша сила. Не завтра, не через час. Сейчас.

Я не просто просила — я вливала в них свою энергию, топила время. Под моими пальцами листья налились светом, стали толще, сочнее. Пржилки на подорожнике засветились мягким, лунным серебром. Я сорвала три листа и толстый стебель алоэ.

Вернувшись к кушетке, я растерла растения в ладонях. Моя магия помогла превратить их в густую, светящуюся изумрудным светом кашицу за секунды. От нее пахло острой свежестью и озоном.

— Будет холодно, — предупредила я.

Я нанесла мазь на его истерзанную грудь.

Арион судорожно втянул воздух сквозь сжатые зубы, его пальцы вцепились в край кушетки так, что побелели костяшки.

— Холодно? — выдохнул он. — Это как ледяной огонь.

— Терпи. Это значит, что оно работает.

Я втирала целебный сок медленными, круговыми движениями. Мои руки, прохладные от магии, скользили по его горячей, сбитой коже. Я чувствовала, как под моими пальцами бьется его сердце — сильное, упрямое, живое. Я чувствовала каждый бугорок его мышц, каждый шрам, полученный в прошлых битвах.

Это было странное, почти пугающее ощущение интимности. Я лечила не абстрактного пациента. Я касалась мужчины, который час назад чуть не погиб на моих глазах.

Магия действовала быстро. Чернота гематомы начала бледнеть, превращаясь в желтовато-зеленый синяк. Дыхание Ариона выровнялось, стало глубже.

— Ты превратила арену в джунгли, — тихо сказал он, не открывая глаз. — Ради меня.

— Я просто бросила семена, — я старалась говорить ровно, не выдавая бури внутри.

— Ты знаешь, что ты наделала, Лина? — он открыл глаза и поймал мое запястье. Его хватка была слабой, но настойчивой. — Теперь все знают. Король. Совет. Дравен. Ты больше

не «эксцентричная леди с огородом». Ты — сила. Ты угроза. Ты нарисовала мишень у себя на спине, огромную и яркую.

— Она там была с того момента, как я отказалась уезжать, — я мягко высвободила руку, но не отошла. Я взяла влажную тряпицу и начала стирать грязь с его лица. — Теперь я просто мишень, которая может дать сдачи. И вырастить лес посреди пустыни, если кто-то посмеет тронуть то, что мне дорого.

Слова вырвались прежде, чем я успела их обдумать. Арион замер.

— То, что тебе дорого? — переспросил он.

Я почувствовала, как предательский румянец заливает шею.

— Мои друзья, — быстро поправилась я. — Элара. Ты. Даже Пьер, хоть он и идиот.

Арион слабо усмехнулся, но в его глазах не было веселья.

— Это был не несчастный случай, Лина.

— Я знаю.

— Подпруга не лопнула от натяжения. Я слышал звук. Щелк. Металлический, резкий. Кто-то подпилил кольцо крепления. Подрезал кожу изнутри. Это было покушение.

Меня накрыло холодной волной ярости. Они не просто хотели выиграть турнир. Они хотели убить его. Публично. Жестоко. Чтобы сделать больно мне? Или чтобы убрать единственного защитника, стоящего между мной и Малако-рами?

— Мы найдем их, — прошептала я. — Я выращу крапиву у них в легких, клянусь.

— Тише, валькирия, — Арион потянулся и коснулся моей щеки. Его пальцы были шершавыми, но прикосновение — невероятно нежным. — Сначала дай мне встать на ноги.

Сумерки сгустились, укутав сад фиолетовым бархатом. В кустах зажглись мои «Солнечные перцы», наполняя пространство мягким, янтарным светом. Мир за стенами сада перестал существовать. Не было ни дворца, ни интриг, ни Дравена с его горящими глазами. Были только мы двое под пологом винограда.

Арион сел, опираясь спиной о спинку кушетки. Боль отступила, оставив после себя приятную, ноющую усталость. Он не убирал руку от моего лица, его большой палец медленно очерчивал линию моей скулы.

— Когда я падал... — начал он, и его голос дрогнул. — Я не боялся удара. Я падал много раз. Я боялся другого. Я думал: «Черт, я так и не сказал ей, что она красивее, когда ругается с сорняками, чем любая принцесса на балу».

Я фыркнула, пытаясь скрыть навернувшиеся слезы.

— Ты идиот, капитан.

— Я знаю. Но я везучий идиот.

Он потянул меня к себе. Я не сопротивлялась. Я села на край кушетки, оказавшись совсем близко. Наши лица были на одном уровне. Я видела золотистые крапинки в его карих глазах, видела крошечный шрам над бровью.

Я ждала, что мое тело, предательская память Серены, отпрянет. Ждала, что буду сравнивать его с Дравеном. Но этого не случилось.

Дравен был бурей, огнем, который сжигает кислород. Тяга к нему была наркотиком, навязанным магией и прошлым.

Арион был землей. Он был ветром, который наполняет паруса. Он был выбором. Моим выбором.

Я сама подалась вперед.

Наши губы встретились.

Это не было похоже на столкновение планет. Это было мягко, осторожно, почти целомудренно. Словно он спрашивал разрешения, а я давала его. Его губы были сухими и теплыми. Он пах травами, которыми я его лечила, и самой жизнью. В этом поцелуе не было требования, не было жажды обладания. В нем была благодарность. И обещание.

Я закрыла глаза, растворяясь в этом ощущении. Тепло разливалось по телу, не обжигая, а согревая. Я положила ладонь ему на шею, зарываясь пальцами в жесткие волосы на затылке.

Мы отстранились друг от друга медленно, неохотно. Арион прижался лбом к моему лбу, его дыхание щекотало мне кожу.

— Теперь пути назад нет, Лина, — прошептал он. — Ты спасла мне жизнь. Теперь она твоя.

— А ты спас меня от одиночества, — ответила я. — Так что мы квиты.

В темноте сада, под светом волшебных перцев, я поняла, что война только начинается. Но впервые мне было не страшно. Потому что теперь мне было кого терять, и было за кого сражаться.

Глава 12. След Змеи

Ночь отступила неохотно, цепляясь серыми пальцами за парапет крыши. Мой сад, обычно наполненный магическим свечением, сейчас казался притихшим и бледным, словно тоже устал после вчерашней бури. «Солнечные перцы» погасли, свернув листья в ожидании настоящего светила.

Я сидела на низком табурете у плетеной кушетки и смотрела, как спит Арион. Во сне морщины боли на его лбу разгладились, и он выглядел моложе, уязвимее. Его грудь поднималась и опускалась ровно, без хрипов, что говорило о том, что мои травы справились с ушибом легких.

Я протянула руку, желая убрать упавшую на его лоб прядь темных волос, но замерла в сантиметре. Это было странное чувство — право касаться. Вчерашний поцелуй изменил вселенную. Он разрушил стену между «леди» и «капитаном», между «попаданкой» и «местным». Но страх потерять это хрупкое «мы» был теперь острее любого кинжала.

Арион открыл глаза. Сразу. Без сонной дымки, словно воин, привыкший просыпаться от хруста ветки. Его взгляд сфокусировался на мне, и в глубине карих радужек вспыхнуло тепло.

— Ты не спала, — его голос был хриплым спросонья.

— Я караулила, — просто ответила я. — Вдруг ты решишь снова откуда-нибудь упасть во сне.

Он попытался сесть, поморщился, но движение было уверенным.

— Твоя зеленая мазь творит чудеса, Лина. Вчера я думал, что меня переехал осадный таран. Сегодня я чувствую себя так, будто меня просто... побили палками в подворотне. Значительный прогресс.

Он перехватил мою руку, все еще висящую в воздухе, и поднес к губам. Его губы коснулись моей ладони — там, где кожа пахла полынью и землей. Это был не поцелуй страсти, а печать благодарности и принадлежности. Жест такой интимный, что у меня перехватило дыхание.

— Доброе утро, — прошептала я.

Нашу идиллию нарушил шорох у входа. Мои «Шипастые Лианы», обычно агрессивные к чужакам, сейчас лишь лениво раздвинули колючие плети, пропуская знакомого.

В сад вошел Барлас. Огромный механик выглядел так, словно не спал неделю. Под глазами залегли тени, руки были в масле и саже, а под мышкой он сжимал сверток, замотанный в промасленную тряпку.

— Капитан. Леди, — он кивнул мне с мрачным уважением. — Я пришел, как только смог. Пришлось ждать, пока стража разгонит зевак с арены.

— Ты нашел ее? — Арион подался вперед, игнорируя боль в ребрах.

Барлас молча положил сверток на стол под виноградным навесом и развернул тряпку.

Там лежал обрывок подпруги. Толстая, дубленая кожа, способная выдержать рывок взбесившегося дракона. Теперь она была разорвана посередине. Края разрыва были темными, словно обугленными, и влажными.

— Я проверял сбрую перед вылетом, кэп, — глухо сказал Барлас, сжимая кулаки так, что хрустнули суставы. — Лично. Каждый сантиметр. Она была новой.

Арион взял кусок кожи, повертел его в руках. Его лицо окаменело.

— Это не разрыв от натяжения, — констатировал он голосом, в котором звенел металл. — Волокна не вырваны, они... растворены.

Я подошла ближе, и мне в нос ударил слабый, но едкий запах. Сладковатый, тошнотворный, напоминающий гниющие фрукты.

— Дай мне посмотреть, — я взяла обрывок. Кожа была склизкой на ощупь.

Моя магия, моя связь с природой, тут же вздыбилась внутри, как кошка при виде собаки. Это было что-то глубоко противоестественное.

Я подошла к одной из грядок, где рос кустик с фиолетовыми, бархатистыми листьями. Я называла его «Лакмусовая Фиалка». В моем мире лакмус был бумажкой, здесь — живым индикатором токсинов.

Я сорвала один лист и прижала его к срезу кожи.

Реакция была мгновенной. Лист не просто изменил цвет.

Он сжался, почернел и рассыпался в прах с тихим, змеиным шипением, выпустив струйку сизого дымка.

— Кислота, — сказала я, отряхивая пепел с пальцев. — Органическая. Очень мощная. Она разъедает структуру материала медленно, но при сильном натяжении происходит мгновенный разрыв.

Арион и Барлас переглянулись. В их глазах было понимание, доступное только тем, кто живет рядом с чудовищами.

— Яд болотной виверны, — произнес Арион. — Его используют кожевники Малакора для обработки особо жестких шкур. Но в чистом виде... это кислота.

— Виверна, — повторила я, чувствуя, как холод пробирается под кожу. — Герб дома Малакор. Символ семьи Ливии.

Они даже не пытались это скрыть. Это был не просто саботаж. Это была подпись. Высокомерная, наглая подпись убийцы, который уверен в своей безнаказанности.

— Я иду к королю, — Арион резко встал, но тут же пошатнулся, схватившись за бок. — Я швырну этот кусок кожи Теодреду в лицо.

— И чего ты добьешься? — я преградила ему путь. — Король спросит: кто имел доступ к сбруе? Барлас? Конюхи? Ты сам? Малакоры скажут, что мы сами подстроили аварию, чтобы обвинить бедную, несчастную невесту принца и привлечь внимание. Или свалят все на подкупленного конюха, которого найдут повешенным завтра утром.

— Они пытались убить меня, Лина! — в глазах Арио-

на бушевал шторм. — Не ради победы в турнире. А чтобы убраться меня с доски. Чтобы ты осталась одна.

— Я знаю, — я взяла его лицо в ладони, заставляя смотреть на меня. — Я знаю, Арион. И именно поэтому мы не можем действовать сгоряча. Мы не можем прийти с куском кожи. Нам нужна голова змеи, а не ее чешуя.

Барлас тяжело вздохнул, понимая мою правоту.

— Леди дело говорит, кэп. Против Малакоров с одним ножом не ходят.

— Нам нужно доказательство того, что они манипулируют принцем, — продолжила я, лихорадочно соображая. — Яд на сбруе доказывает покушение на тебя. Но он не доказывает, что Дравен опоен, а метка Ливии фальшивая. Нам нужно найти источник зелья «Туманного Сердца» или артефакт, с помощью которого они перенесли метку.

— Это должно быть где-то в ее покоях, — прорычал Арион. — Ливия не доверила бы такое слугам.

— Но в ее покои не попасть. Там охраны больше, чем у сокровищницы.

Арион вдруг замер. Его взгляд прояснился.

— Через три дня, — медленно произнес он. — Звездный Маскарад.

Я поморщилась. Одно упоминание этого события вызывало у меня (или у памяти Серены) тошноту. Шум, толпа, лицемерие, маски...

— Я не пойду на бал, Арион. Меня там разорвут взгляда-

ми.

— Ты должна, — он сжал мои плечи. — Это единственный шанс. В ночь Маскарада дворец сходит с ума. Слуги пьяны, стража расслаблена, все носят маски. Гости бродят по коридорам. Это единственная ночь, когда можно проникнуть в Восточное крыло, не вызвав подозрений.

— Ты предлагаешь нам взломать покои будущей принцессы, пока она танцует?

— Я предлагаю мне и Барласу взломать покои. А тебе... тебе нужно быть в зале.

— Зачем? — не поняла я.

— Чтобы на нас никто не смотрел, — Арион криво усмехнулся. — Ты должна стать отвлекающим маневром, Лина. Ты должна войти в этот зал так, чтобы все забыли, как дышать. Чтобы Дравен, Ливия, король — все пялились только на тебя. Ты должна стать звездой, на которую невозможно не смотреть, пока мы будем рыться в грязи.

Я представила это. Я, «огородница», в центре внимания высшего света. Одна против всех.

— У меня даже платья нет, — слабо возразила я, цепляясь за последнюю соломинку. — Гардероб Серены разграблен. Денег на новое у меня нет, а придворные портные сейчас заняты даже для королевы. Я не могу пойти в переднике.

Арион хотел что-то ответить, предложить помощь, продать что-нибудь, но я подняла руку, останавливая его.

Мой взгляд упал на розовый куст. На его бутон, который

за ночь раскрылся в великолепный, сияющий цветок. Потом я посмотрела на выюнок, оплетающий беседку. На серебристые листья цинерарии, похожие на кружево.

В моей голове щелкнуло.

Я не нуждалась в золоте. Я не нуждалась в шелке, привезенном из-за моря. У меня было кое-что получше.

— Платье... — прошептала я, и на моих губах появилась хищная, азартная улыбка.

— Лина? — насторожился Арион.

— Мне не нужны портные, Арион, — я повернулась к нему, и мои глаза сияли зеленым огнем магии. — У меня есть лучшие ткачи в мире. Природа.

Я подошла к краю грядки и коснулась земли.

— Если им нужно шоу, я дам им шоу. Я выращу себе броню. И она будет прекраснее всего, что они когда-либо видели.

— Ты сумасшедшая, — восхищенно выдохнул Арион.

— Я просто садовница, — ответила я. — А сорняки, как известно, умеют пробиваться даже через асфальт.

Глава 13. Садовница Высокой Моды

До Звездного Маскарада оставалось двое суток. Дворец гудел, словно растревоженный улей, готовясь к главной ночи года. Слуги драили полы до зеркального блеска, кухни источали ароматы жареных фазанов и карамели, а портные сбились с ног, подгоняя шелка и бархат для капризных аристократок.

В моем саду царила иная суэта. Тихая, сосредоточенная и напряженная.

Арион и Барлас исчезли еще на рассвете — им нужно было подготовить снаряжение для бесшумного взлома и проверить пути отхода. Мы с Эларой остались одни, чтобы решить задачу, казавшуюся невыполнимой: превратить меня из садовницы в отвлекающий маневр такой силы, чтобы весь двор забыл, как дышать.

— Леди Лина, это... это всё, что я смогла найти, — Элара выложила на садовый стол сверток.

Она развернула ткань, и я увидела простую шелковую сорочку-комбинацию телесного цвета. Старая вещь из дальнего угла гардероба Серены, которую мародеры Ливии сочли недостойной внимания. Ткань была качественной, но фасон — безнадежно устаревшим и скучным.

— На фоне Ливии, которая заказала платье из черного бархата с алмазной пылью, вы будете выглядеть... — Элара запнулась, подбирая вежливое слово, — ...скромно. Как бедная родственница, которую пустили погреться у камина.

Я провела рукой по прохладному шелку.

— Скромность — это добродетель для тех, у кого нет магии, Элара, — задумчиво произнесла я. — Нам не нужно соревноваться с Ливией в каратах и ярдах ткани. Мы будем играть на другом поле.

Я подошла к своим стеллажам с семенами, перебирая мешочки и колбы. Мне нужны были не овощи. И даже не мои любимые розы. Мне нужно было что-то древнее, капризное и завораживающее.

Мой выбор пал на три вида, которые я с трудом реанимировала из почти мертвых семян, найденных в заброшенной оранжерее: Лунный Вьюн, чьи стебли светились в темноте призрачным серебром; Призрачная Орхидея, лепестки которой напоминали застывший туман; и Бархатный Мох — мягче любого королевского плюша.

— Мы будем шить не нитками, Элара, — я обернулась к подруге, и в моих глазах заплескали зеленые искры азарта. — Мы будем шить корнями.

Мы соорудили манекен из старой вешалки и пучка соло-

мы, натянув на него шелковую комбинацию. Я выставила его в центр сада, туда, где магический фон был самым плотным. Вокруг основания манекена я расставила горшки с подготовленной землей.

Это было не садоводство. Это было искусство, граничащее с безумием.

Я положила руки на землю. Обычно я просто просила растения расти. Сейчас я должна была стать скульптором, диктующим форму каждой клетке, каждому волокну.

Вверх. Тоньше. Мягче.

Я погрузилась в транс. Я чувствовала, как семена лопаются во влажной почве, выпуская белые нити корней. Я направляла стебли Лунного Вьюна вверх по шелку сорочки. Они ползли, как живые змеи, но я заставляла их менять структуру. Я «уговаривала» растительные волокна терять жесткость, становиться гибкими и эластичными, как нити спандекса.

Серебристые лозы оплели талию манекена, создавая сложный, ажурный корсет. Он был прочнее китового уса, но выглядел хрупким, словно морозный узор на стекле.

Теперь фактура.

Я призвала Бархатный Мох. Он потек по ткани изумрудным водопадом, заполняя пустоты между лозами, создавая градиент от глубокого зеленого к нежно-серебристому. Я заставляла его ворсинки удлиняться, превращаясь в подобие меха или бархата, к которому хотелось прикоснуться.

К полудню пот заливал мне глаза, руки дрожали от напря-

жения, но я не могла остановиться. Магия тянула из меня силы, как насос.

Детали. Мне нужны акценты.

На подоле платья, там, где мох переходил в прозрачный шелк комбинации, я заставила набухнуть бутоны Призрачных Орхидей. Десятки, сотни крошечных бутонов, готовых взорваться цветом.

Когда солнце начало клониться к закату, я отступила на шаг, тяжело дыша. Передо мной стояло не платье. Это была живая скульптура. Дышащая, пульсирующая слабым внутренним светом, она казалась одеянием дриады, вышедшей на войну.

Элара смотрела на творение, прижав ладони к губам.

— Это... это невозможно, — прошептала она. — Это магия.

— Это ботаника, помноженная на упрямство, — хрипло ответила я и, покачнувшись, опустилась на траву. Сил не осталось даже на то, чтобы поднять руку.

Поздний вечер принес прохладу и гостя.

Арион вошел в сад бесшумно, как тень. Он все еще берег правый бок, двигаясь с осторожной грацией хищника, зализывающего раны, но в его движениях уже вернулась прежняя сила.

В руках он держал небольшой сверток.

Увидев манекен в центре сада, освещенный лишь луной и мерцанием моих перцев, он замер. Платье в полумраке сияло. Серебристые жилки выюна пульсировали мягким светом, создавая вокруг наряда призрачный ореол.

— Святые небеса... — выдохнул он, подходя ближе, но не решаясь коснуться. — Если ты войдешь в этом в зал, Лина... Дравен забудет не только Ливию. Он забудет свое имя, титул и где находится выход.

— В этом и план, — я сидела на скамье, все еще чувствуя слабость, но мое сердце наполнилось теплом от его реакции. — Они должны смотреть на меня. И только на меня. Пока вы будете делать свою работу.

Арион перевел взгляд с платья на меня. В его глазах было столько восхищения, смешанного с тревогой, что мне захотелось спрятаться.

— Я принес маски, — он развернул сверток.

Там лежали две простые черные полумаски из жесткой кожи — для него и Барласа. И одна изящная, белая, украшенная серебряным напылением — для меня.

— Спасибо, — я взяла белую маску. Она была красивой, но... мертвой. Обычной. — А где твоя?

Он показал черную.

— Слишком просто, — покачала головой я. — Ты не можешь пойти в ней. Ты — мой спутник. Мы должны быть... комплектом.

Я взяла черную маску из его рук. Моя магия была на исходе, но на один маленький штрих ее хватило.

Я прижала палец к виску маски.

Расти. Защищай. Стой.

По черной коже пробежала зеленая искра. Из ниоткуда пробился крошечный, жесткий росток. Он обвился вокруг глазницы и распустился на виске единственным цветком — Диким Чертополохом. Фиолетовый венчик в обрамлении острых колючек.

Символ стойкости. Символ того, кто может выжить на любой почве и защитить себя.

— Теперь идеально, — я вернула ему маску.

Арион провел пальцем по колючему цветку. Его лицо изменилось. Он шагнул ко мне, сокращая дистанцию до минимума.

— Я буду смотреть на тебя весь вечер, Лина, — его голос стал низким, вибрирующим. Он надел маску, и чертополох хищно блеснул в лунном свете, придавая ему вид опасного лесного духа. — Даже когда буду взламывать замки Ливии. Даже когда буду искать этот проклятый флакон. Я буду видеть только тебя.

Он наклонился и поцеловал меня. Коротко, жестко, с привкусом надвигающейся опасности. Это был поцелуй-обещание. Поцелуй перед боем.

— Будь осторожен, — прошептала я ему в губы.

— Всегда, — усмехнулся он и растворился в тени, оставив

меня наедине с моим светящимся творением.

Рассвет дня бала окрасил небо в цвета тревоги — багровый и золотой. Я стояла перед своим платьем, готовая нанести последний штрих.

Оно было великолепно, но ему чего-то не хватало. Оно было визуальным шедевром, но магия должна работать на все чувства.

Запах.

Ливия и ее покои пахли удушливой, приторной вишней. Запахом яда и дурмана.

Я закрыла глаза, концентрируюсь. Я призвала эссенцию Ночного Жасмина — аромата страсти и тайны, и смешала ее с резкой, холодной нотой Дикой Мяты.

Я вплела этот запах в структуру самого платья, в каждую пору листьев, в каждый лепесток орхидей.

Теперь от платья исходил аромат свежести. Запах ветра, ворвавшегося в душную комнату. Запах свободы.

Я коснулась бутона на подоле. Он был плотно закрыт. Я знала секрет: эти цветы не раскроются просто так. Им нужно тепло живого тела.

Когда я надену это платье, когда мое сердце начнет биться быстрее от волнения, цветы почувствуют меня. Они раскроются прямо в зале, реагируя на мою жизнь.

Это была не просто одежда. Это был живой организм. Мой симбиот. Мой боевой доспех.

Я посмотрела на свое отражение в лейке-дракончике. Измученная, с кругами под глазами, но с горящим взглядом.

— Ну что, золушка, — усмехнулась я сама себе. — Пора показать им, что тыква может превратиться не в карету, а в таран.

Глава 14. Живой Доспех

Ночь Звездного Маскарада опустилась на столицу тяжелым бархатным пологом, расшитым тысячами огней. Дворец гудел, вибрировал от предвкушения, музыки и шороха дорогих тканей. Но в моей комнате царила тишина, нарушаемая лишь моим собственным, слишком громким сердцебиением.

— Вы готовы, леди? — шепотом спросила Элара. В ее руках была баночка с мерцающим маслом, пахнущим сандалом.

— Нет, — честно ответила я, глядя на конструкцию, стоящую в центре комнаты. — Но у нас нет выбора.

То, что стояло перед нами, нельзя было назвать просто платьем. Это была экосистема, замершая в ожидании своего носителя. Серебристые стебли Лунного Вьюна образовали сложный, ажурный каркас вокруг шелковой основы, переплетаясь в узор, напоминающий морозную вязь на стекле. Бархатный Мох создал плотную, изумрудную текстуру лифа, переходящую в полупрозрачный, струящийся подол, усыпанный сотнями спящих, тугих бутонов Призрачной Орхидеи.

Это было красиво. И это пугало.

Элара нанесла масло на мои плечи и руки, чтобы кожа сияла в унисон с растениями. Затем я сделала шаг вперед.

Это не было похоже на одевание. Я входила внутрь живого организма.

Как только шелк коснулся моей кожи, магия активировалась. Я ахнула, когда прохладные, упругие стебли выюна пришли в движение. Они мягко обхватили мою талию, подтянулись, идеально подстраиваясь под изгибы тела. Это было не давление жесткого корсета, ломающего ребра. Это было объятие. Плотное, надежное, собственническое объятие природы.

— Застежек нет, — прошептала я, чувствуя, как листья мха смыкаются на спине, скрывая швы. — Оно держится на мне само.

Элара поднесла к моему лицу большое напольное зеркало. Из отражения на меня смотрела не Лина-попаданка и не изгнанная леди Серена. На меня смотрела дриада, лесная ведьма, королева, пришедшая вернуть свой трон не огнем и мечом, а корнями и листьями. Серебристый свет выюна мягко подсвечивал кожу изнутри, создавая эффект лунного сияния. Бутоны на подоле оставались закрытыми — маленькие жемчужные капли, полные скрытой энергии.

— Я не просто одета, Элара, — выдохнула я, поднимая руку и видя, как живой браслет из листьев реагирует на движение мышц. — Я вооружена.

— Вы уничтожите их, — серьезно сказала служанка, подавая мне белую маску. — Они ослепнут.

Путь к боковому выходу из сада лежал через тень. Там, в нише коридора, где гуляли сквозняки, нас ждали две фигуры в черных ливреях слуг. Лица были скрыты масками. На одной из них, черной и глухой, хищно топорщился живой цветок чертополоха.

Арион.

Когда я вышла в полосу лунного света, он дернулся, словно получил физический удар. Барлас, стоящий рядом, тихо присвистнул и тут же получил тычок локтем от капитана.

Арион медленно подошел ко мне. В прорезях маски его глаза казались черными провалами, в которых горел опасный огонь. Он не сказал ни слова о красоте. Он смотрел на меня так, как мужчина смотрит на женщину, ради которой готов сжечь мир дотла.

— Напомни мне, — его голос был хриплым, низким шепотом, от которого по моей спине, прямо под живыми листьями, пробежали мурашки. — Напомни мне, почему я должен сейчас уйти и взламывать замки в пыльной комнате, а не стоять рядом с тобой и отсекай руку каждому, кто посмеет к тебе прикоснуться?

Я поправила его маску, проведя пальцем по колючему цветку чертополоха.

— Потому что ты единственный, кому я доверяю свою спину, Арион. И свою тайну. И потому что, если мы этого не

сделаем, Ливия победит.

Он тяжело вздохнул, борясь с желанием остаться.

— У меня будет ровно час, — сказал он, возвращаясь к деловому тону, хотя его взгляд все еще блуждал по моему светящемуся лифу. — Пока идет приветственная часть и первый танец. Ливия будет в зале, упиваться своим триумфом. Дравен... Дравен будет там же.

— Я их задержу, — пообещала я.

Арион не стал меня целовать — это могло нарушить магический баланс или смазать масло. Вместо этого он наклонился и прижался своим лбом к моему. Я почувствовала тепло его кожи и жесткость маски.

— Сияй, Лина, — выдохнул он мне в губы. — Ослепи их всех. Стань их наваждением. А я стану их тенью.

Он отстранился, кивнул Барласу, и они растворились в темноте служебного коридора, оставив меня одну.

Я шла по коридорам дворца в одиночестве. Мои шаги были бесшумными — мох на подоле глушил звук. Дворец казался пустым, все жизнь утекла в сторону Большого Бального Зала.

Я проходила мимо мест, где меня унижали. Вот тот угол, где Дравен впервые накричал на Серену. Вот галерея, где придворные дамы смеялись над моим «огородным» увлече-

нием. Раньше эти стены давили. Сейчас я чувствовала себя охотницей, идущей через знакомый лес.

Чем ближе я подходила к залу, тем громче становилась музыка, тем сильнее нарастало мое волнение. И мое платье чувствовало это.

Это был удивительный симбиоз. Мой пульс ускорился — и я чувствовала, как стебли выюна пульсируют в ответ, сжимаясь чуть крепче, поддерживая меня. Моя кожа нагревалась от адреналина — и аромат, вплетенный в структуру растения, начинал испаряться активнее.

Вокруг меня образовалось облако запаха. Не тяжелого, будуарного, как у придворных дам. Это был запах Ночного Жасмина — сладкий, манящий, обещающий тайну. И резкая, холодная нота Дикой Мята, пробивающая любой дурман.

Запах свободы. Запах ветра, ворвавшегося в затхлый склеп.

Бутоны орхидей на подоле начали дрожать. Я чувствовала их нетерпение. Они были готовы. Я была готова.

Я остановилась перед огромными двустворчатыми дверями из красного дерева, украшенными золотой резьбой. Два гвардейца у входа вытянулись в струнку, их глаза расширились при виде меня.

Церемониймейстер, тучный мужчина с жезлом, посмотрел на меня с недоумением. В списке гостей не было «огородниц». Но когда он увидел мой наряд, слова застряли у него в горле. Он моргнул, словно не верил своим глазам, затем набрал воздуха в грудь.

Удар жезла об пол прозвучал как выстрел пушки. Музыка в зале на секунду стихла, готовясь к объявлению нового гостя.

— Леди Серена из Дома Валериус! — провозгласил герольд, и его голос, магически усиленный, раскатился под сводами зала.

Двери распахнулись.

Я шагнула из полумрака коридора в океан света. Тысячи свечей в хрустальных люстрах, блеск бриллиантов, золото эпалет — все это ударило по глазам. В лицо пахнуло жаром сотен тел и смесью тяжелых духов.

И в этот момент, реагируя на резкую смену температуры и света, мое платье проснулось окончательно.

Это произошло мгновенно. С тихим, шелестящим звуком, похожим на вздох, сотни бутонов Призрачной Орхидеи раскрылись одновременно.

Это выглядело как вспышка живого белого огня. Лепестки, полупрозрачные и нежные, затрепетали, выпуская накопленный свет. Лунный Вьюн вспыхнул серебром, очерчивая мой силуэт сияющим контуром.

Музыка сбилась и смолкла. Разговоры оборвались на по-

лушове. Тишина, плотная и вязкая, накрыла огромный зал.

Я стояла на вершине парадной лестницы, и все взгляды — от короля на троне до последнего лакея с подносом — были прикованы ко мне.

Никто не смотрел на бриллианты герцогинь. Никто не обсуждал бархат графов. Все смотрели на женщину, одетую в живую магию.

Я медленно начала спускаться по ступеням. Каждое мое движение вызывало волну света в платье. Шлейф аромата — мята и жасмин — плыл за мной, и я видела, как люди невольно вдыхают его, словно поток свежего воздуха в газовой камере.

Я нашла взглядом их.

Ливия стояла в центре зала, окруженная свитой. Она была в черном бархате, усыпанном рубинами, с высокой прической. Она выглядела дорого, роскошно и... мертвенно. Рядом с моим живым, дышащим сиянием она казалась застывшей статуей, музейным экспонатом. Ее рот был приоткрыт, веер замер в руке, а в глазах плескалась чистая, ядовитая зависть.

А рядом с ней стоял Дравен.

Он держал бокал с вином, его лицо было бледным, взгляд — затуманенным тем самым «вишневым» дурманом. Но когда я спустилась ниже, когда волна моего аромата достигла его, пробиваясь сквозь вонь Ливиных духов, он вздрогнул.

Бокал выскользнул из его пальцев и с звоном разбился о паркет. Красное вино растеклось лужей, но он даже не по-

смотрел вниз.

Его зрачки расширились, поглощая изумрудную радужку. Он смотрел на меня так, словно видел привидение. Словно видел единственное настоящее, что осталось в его мире иллюзий.

Он сделал произвольный шаг мне навстречу, как лунатик, идущий на зов. Ливия схватила его за рукав, что-то шипя, но он стряхнул ее руку, не отводя от меня взгляда.

Я достигла конца лестницы и остановилась. Толпа расступилась передо мной, образуя широкий коридор.

Я улыбнулась. Не робкой, просящей улыбкой Серены. А загадочной, чуть насмешливой улыбкой ведьмы, которая знает секрет.

План сработал. Я стала центром их вселенной.

Иди, Арион, — мысленно крикнула я, чувствуя торжество. — Путь свободен. Они все мои.

Глава 15. Звездный Маскарад

Я шагнула в бездну света, и мир вокруг затаил дыхание.

Большой Бальный Зал встретил меня стеной горячего, спертого воздуха, пропитанного запахом тающего воска, дорогой пудры и сотен разгоряченных тел. Но стоило мне преодолеть порог, как моя личная магия создала вокруг меня невидимый купол. Мое платье, почувствовав тепло и внимание, сделало свой ход.

С тихим, шелестящим звуком, похожим на вздох просыпающегося леса, сотни бутонов Призрачной Орхидеи на моем подоле и лифе раскрылись.

Это не было похоже на вульгарный блеск бриллиантов. Это был живой, пульсирующий свет. Серебристые жилы Лунного Вьюна вспыхнули, очерчивая мой силуэт сияющим контуром, а лепестки орхидей затрепетали, выпуская в воздух облако аромата. Резкая, холодная свежесть Дикой Мяты и томная сладость Ночного Жасмина ударили по залу, разрезая душную атмосферу, как ледяной клинок разрезает шелк.

Музыка сбилась. Смычок скрипача визгнул и замер. Разговоры оборвались, сменившись гулкой, ватной тишиной.

Я спускалась по широкой мраморной лестнице, и каждое мое движение вызывало волну света в складках живой ткани. Я не смотрела под ноги. Я смотрела на них. На придворных, застывших в своих масках, как восковые фигуры. В их

глазах я видела не презрение, которое преследовало Серену, а суеверный, благоговейный страх.

Я была аномалией. Диким, необузданным элементом в их упорядоченном, фальшивом мире.

В центре зала, словно черная дыра, поглощающая свет, стояла Ливия. Ее бархатное платье было безупречно, рубины на шее стоили целого королевства, но сейчас она выглядела блеклой тенью. Ее лицо, скрытое полумаской с перьями, изображала гримаса ярости. Она сжимала веер так, что костяшки пальцев побелели.

Но мне была нужна не она.

Рядом с ней, покачиваясь, словно палуба уходила у него из-под ног, стоял Дравен.

Он выглядел больным. Даже дорогая золотая маска не могла скрыть землистого оттенка кожи и испарины на лбу. Его взгляд был мутным, расфокусированным, зрачки расширены настолько, что пожрали радужку. Он держал бокал с вином, но не пил, а просто сжимал его, как утопающий соломинку.

Когда волна моего аромата достигла его, он вздрогнул.

Звон разбитого стекла прозвучал в тишине как выстрел. Бокал выскользнул из пальцев принца, красное вино плеснуло на его сапоги и подол платья Ливии, но он даже не моргнул.

Его ноздри раздулись. Он втянул воздух — жадно, отчаянно, словно человек, вынырнувший с глубины.

— Дравен! — шикнула Ливия, хватая его за локоть. — Ты позоришь нас!

Он стряхнул ее руку, даже не взглянув в ее сторону. Его глаза были прикованы ко мне. В них не было узнавания. В них было наваждение.

Он сделал шаг. Другой. Толпа расступалась перед ним, образуя коридор. Он шел ко мне, как лунатик, ведомый зовом полной луны.

«Иди, Арион,» — билась мысль в моей голове. — «Я держу их. Они все смотрят на меня. Взламывай эту чертову дверь».

Дравен остановился в шаге от меня. Я чувствовала жар, исходящий от его тела — нездоровый, лихорадочный жар. От него пахло той самой приторной, гниlostной вишней, что и в покоях Ливии. Запах яда. Запах рабства.

— Я не знаю вас, леди, — прохрипел он. Его голос был тягучим, словно он продирался сквозь вату. — Или знаю? Вы сияете... Вы сияете, как то, что я потерял, но не могу вспомнить имя.

Я посмотрела на него сквозь прорези своей белой маски. Сейчас передо мной был не надменный принц, униживший меня. Передо мной была развалина. Жертва.

— Вы потеряли себя, Ваше Высочество, — холодно ответила я. — И никакое сияние это не вернет.

Он моргнул, словно мои слова причинили ему физическую боль. Но не отступил. Вместо этого он протянул руку.

Жест был властным, привычным для принца, но пальцы его дрожали.

— Подарите мне танец, — это был не вопрос. Это была мольба.

Я почувствовала спиной взгляд Ливии. Если взгляды могли убивать, я бы уже превратилась в горстку пепла. Она хотела броситься к нам, устроить скандал, но присутствие короля на балконе удерживало ее. Она была парализована этикетом и моим триумфом.

Идеально.

— Как пожелаете, — я вложила свою ладонь в его руку.

Его кожа была сухой и горячей. Оркестр, повинувшись невидимому знаку, заиграл медленный, тягучий вальс.

Дравен рванул меня к себе, грубо нарушая приличия. Мы оказались непозволительно близко. Я почувствовала, как мое платье отреагировало на угрозу и близость истинного дракона. Стебли Лунного Вьюна на моей талии сжались, став жесткими, как корсетная сталь. Лозы на плече поползли вниз, обвиваясь вокруг руки Дравена, словно пытаюсь удержать его или задушить — я сама не знала, чего хочет моя магия.

Мы закружились.

Это был странный, сюрреалистичный танец. Вокруг нас мелькали маски, шелка, огни, но для Дравена существовала только я. Он впивался взглядом в мои глаза, пытаясь пробиться сквозь пелену дурмана.

Аромат Дикой Мяты, исходящий от меня, работал как нашатырь. С каждым поворотом, с каждым вдохом я видела, как меняется его лицо.

Вишневый туман в его глазах начал рассеиваться. Зрачки сузились, возвращая радужке ее глубокий, изумрудный цвет.

— Этот запах... — прошептал он, склоняясь к моему уху. — Он пробивается сквозь шум. В голове так тихо... впервые за месяцы.

Его рука на моей талии сжалась крепче, уже не грубо, а собственнически.

— Кто ты? — выдохнул он. — Почему ты пахнешь домом, Серена? Я думал... мне говорили, что ты пахнешь предательством. Гнилью. Но это ложь. Ты пахнешь жизнью.

Он назвал меня по имени. Зелье отступило. На мгновение, на краткий миг вальса, передо мной был настоящий Дравен. Тот, которого любила Серена. Тот, кто был моим истинным по праву крови.

Его боль, его растерянность, его внезапная, пронзительная надежда ударили по мне с силой цунами.

Сердце Серены, которое я так старательно хоронила под слоями цинизма и земли, встрепенулось. Я почувствовала ответный отклик — предательскую тягу прижаться к нему, утешить, вылечить своей магией. Сказать: «Я здесь. Я знаю, что ты не виноват. Мы все исправим».

Голова закружилась. Я почти положила голову ему на плечо. Почти позволила магии истинных взять верх.

Но тут, во время поворота, мой взгляд упал за его плечо.

Ливия стояла у колонны, бледная от бешенства. Она сорвала перчатку с левой руки. На ее запястье пульсировал браслет-артефакт, имитирующий метку истинной. Он светился злым, багровым светом.

А затем я посмотрела на запястье Дравена, которое оголилось, когда задрался рукав камзола.

Оно было чистым.

Там не было метки. Ни моей. Ни ее. Только бледная кожа.

Он отдал свою связь. Он позволил ей украсть нашу судьбу. Пусть под зельем, пусть обманом, но он был слаб.

Наваждение рассыпалось. Передо мной был не возлюбленный. Передо мной был мужчина, который впустил врага в свою постель и позволил себя отравить.

Я вспомнила Ариона, который сейчас, рискуя жизнью, лезет в окно ради меня. Ариона, который принял меня грязной, с мотыгой в руках, без всякой магии крови.

Жалость сменилась холодом.

— Я не ваш дом, Дравен, — жестко сказала я, глядя ему прямо в глаза.

— Нет... подожди... — он попытался удержать меня, его взгляд снова начал мутнеть, паника возвращалась.

— Вы сожгли свой дом, Ваше Высочество, — отчеканила я. — Когда впустили в него змею.

Мое платье вспыхнуло предупреждающим, колючим светом. На нежных стеблях выюна мгновенно выросли острые

шипы. Они вонзились в руку принца, не до крови, но достаточно больно, чтобы он разжал пальцы.

Я с силой оттолкнула его.

Дравен пошатнулся, хватаясь за голову, словно его ударили молотом. Я отступила назад, оставляя его посреди зала — одинокого, растерянного, тянущего руку к призраку, который только что стал плотью и снова ускользнул.

Музыка продолжала играть, но для нас она уже закончилась.

Глава 16. Танец с Ветром

Музыка не смолкла, она захлебнулась. Оркестр, потерявший ритм, выдал какой-то жалкий, скрипучий аккорд и затих, оставив меня в центре зала в оглушительной тишине.

Я стояла одна в круге света, который отбрасывало мое платье. Дравен, которого я только что оттолкнула, пошатнулся, хватаясь за висок. Его лицо было мертвенно-бледным, искаженным гримасой боли, словно в его черепе проворачивали ржавый нож. Он смотрел на меня, но я знала — он не видит. Перед его глазами плясали фантомы, рожденные ядом и отвергнутой магией истинных.

Вакуум вокруг меня начал сжиматься. Толпа, еще минуту назад восхищенная, теперь подалась назад, ошетинившись страхом. Я больше не была чудесной дриадой. Я была ведьмой, посмевавшейся поднять руку на наследного принца.

Ливия поняла это мгновенно.

Она отделилась от колонны, хищная и быстрая, как гадюка в бархате. Ее шок прошел, уступив место холодному расчету. Она видела, что теряет контроль над Дравеном, и решила уничтожить источник помех. Меня.

— Стража! — ее голос, высокий и пронзительный, разрезал тишину. — Взять ее! Она околдовала принца! Она напала на него!

Гвардейцы у дверей дернулись, лязгнув алебардами.

Я напряглась. Мое платье, чувствуя угрозу, отреагировало мгновенно. Нежные стебли Лунного Вьюна затвердели, превращаясь в броню, а шипы на лозах удлинились, готовые рвать плоть. Я не сдамся без боя. Я превращу этот бальный зал в терновый лес, если придется.

Но прежде чем первый гвардеец успел сделать шаг, тень отделилась от стены.

Высокая фигура в черной ливрее слуги выросла между мной и Ливией, словно материализовалась из воздуха. На его лице была простая черная маска, но на виске хищно топорщился живой, колючий цветок чертополоха.

Арион.

Он не стал кланяться принцу. Он даже не удостоил взглядом визжащую Ливию. Он стоял спиной к угрозе, всем своим видом показывая, что для него в этом зале существует только один человек.

Он протянул мне руку. В прорезях его маски я видела темные, смеющиеся глаза, в которых плясал бешеный азарт только что совершенного преступления.

— Свет здесь слишком резок для тех, кто привык жить во тьме, миледи, — произнес он громко, и его голос, спокойный и уверенный, перекрыл истерику Ливии. — Позвольте мне украсть вас... ради танца.

Это было безумие. Приглашать на танец женщину, которую только что приказали арестовать.

Я посмотрела на его протянутую ладонь. На мозолистые

пальцы, которые я знала так же хорошо, как свои. В этом жесте было все: «Я здесь. Я успел. Мы уходим, но уходим красиво».

Я вложила свою руку в его.

В тот же миг шипы на моем платье втянулись обратно. Растения почувствовали тепло его кожи, узнали друга, союзника. Агрессивное серебряное свечение Лунного Вьюна смягчилось, потеплело, переливаясь в глубокое золото.

Оркестр, сбитый с толку, но повинующийся невидимому дирижеру (или просто панике), грянул быструю, живую мелодию — не церемонный вальс, а народную жигу, облагороженную для дворца.

Арион рванул меня на себя, и мы закружились.

Это был не танец по протоколу, где партнеры держат дистанцию, словно боятся заразиться друг от друга. Это был полет. Арион вел уверенно, крепко, но в его хватке не было той удушающей тяжести, что у Дравена. С Дравеном я была трофеем. С Арионом я была ветром.

Мы неслись по паркету, игнорируя застывших придворных.

— Ты нашел его? — выдохнула я, когда он крутанул меня в пируэте.

— Пусто, — его губы тронула усмешка. — В покоях чисто. Но Элара... Элара перехватила служанку с подносом. У нас есть кое-что получше флакона. Уходим через террасу, как только музыка достигнет крещендо.

Мое платье менялось на глазах.

В тепле его рук, в безопасности его присутствия, аромат Дикой Мяты и Жасмина — запахи тайны и защиты — уступили место чему-то иному. Бутоны на подоле раскрылись еще шире, выпуская теплый, сладкий дух Лесной Земляники и нагретого солнцем Мха.

Это был запах уюта. Запах дома. Запах счастья.

Зал ахнул. Люди смотрели на нас заворуженно. Золотое сияние моего платья смешивалось с черной тенью Ариона, создавая гипнотический вихрь. Мы были воплощением свободы посреди золотой клетки. В их глазах я видела зависть — они, скованные корсетами и этикетом, никогда не чувствовали такой легкости.

Мы пронеслись мимо Дравена.

Он все еще стоял там, где я его оставила. Зелье в его крови, призванное вызывать отвращение, столкнулось с реальностью. Его «пустышка», его «предательница» сияла золотом и счастьем в руках другого мужчины. Мужчины, который был ниже его по рождению, но выше по духу.

Его мозг не выдержал диссонанса.

Я увидела, как его лицо исказилось. Это была не просто ярость — это был крах мироздания. Он посмотрел в огромное настенное зеркало в золоченой раме, отражающее нас, счастливых и свободных, и себя — одинокого, сломленного, с пятном вина на груди.

— НЕТ!!! — рев Дравена перекрыл музыку, звериный,

полный муки вой раненого дракона. — ОНА ЛЖЕТ! ВСЕ ЗЕРКАЛА ЛГУТ!

Он схватил тяжелый серебряный канделябр с соседнего стола. Свечи разлетелись, обжигая скатерть. С безумным размахом он швырнул массивный подсвечник в свое отражение.

Звон бьющегося стекла был оглушительным.

Огромное зеркало взорвалось дождем острых осколков. Зеркальный двойник принца разлетелся на тысячи кусков.

Толпа взвизгнула и шарахнулась в стороны.

Но Дравена это не остановило. Впав в безумие, он начал крушить все вокруг. Он переворачивал столы с закусками, сбивал ледяные скульптуры, топтал осколки, не замечая, как они режут его тонкие сапоги. Он уничтожал этот фальшивый, блестящий мир, который больше не мог его обмануть.

Ливия в ужасе отшатнулась, прижимая руки к груди. Она потеряла контроль над своей марионеткой. Нити оборвались, и кукла начала ломать кукольный домик.

— Сейчас! — скомандовал Арион.

Он не стал ждать конца такта. Он подхватил меня на руки, словно я ничего не весила — мое живое платье шелестело, обвивая его плечи лианами, — и рванул к открытым дверям террасы...

Глава 17. Улика

Мы вылетели в ночную прохладу, оставив позади хаос, крики короля и звон умирающего праздника.

Арион поставил меня на ноги только в саду, подальше от света окон. Мы бежали по гравийным дорожкам, держась за руки, смеясь от нервного напряжения и сумасшедшего адреналина. Ветер срывал с меня лепестки орхидей, оставляя за нами светящийся след.

Я сорвала с лица маску и швырнула ее в кусты. Я вдохнула полной грудью холодный ночной воздух, пахнувший не духами и ядом, а мокрой травой и свободой.

Бал был окончен.

Легкие горели от бега, в ушах вс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.